

Валери Домен

КРУТАЯ ТУСОВКА

РЕАЛИТИ-РОМАН

Реалити-роман (Этерна)

Валери Домен
Крутая тусовка

«Этерна»

2007

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

Домен В.

Крутая тусовка / В. Домен — «Этерна», 2007 — (Реалити-роман
(Этерна))

ISBN 978-5-480-00274-4

Директор самого крупного европейского телеканала Филипп Серра любил собирать в частном салоне своей империи знаменитых людей, стоявших в первых рядах на сцене, телеэкране, страницах газет и журналов. И этот вечер обещал быть удивительно приятным, но... Наши знаменитости мечтали на него попасть, а теперь...

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-480-00274-4

© Домен В., 2007
© Этерна, 2007

Содержание

Накануне вечеринки	6
Виктория Сан Гильермо, жена футболиста	6
Анни Дюмель, руководительница службы косметики журнала «Стар Сити»	20
Эрика Лем, соблазнительница звезд	31
Кристоф Миллер, любимый телеведущий домохозяек	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Валери Домен

Крутая тусовка

* * *

© Librairie Arthème Fayard, 2007

© В. В. Егоров, перевод, 2012

© Палимпсест, 2012

© Издательство «Этерна», оформление, 2012

Упомянутые в данном романе персонажи и учреждения, равно как и их имена и названия, внешность и характеры, являются вымышленными, и их сходство с существующими реальными учреждениями или с любой реальной личностью, живущей ныне или уже умершей, случайно, и к этому автор не стремился. Некоторые личности, без упоминания которых в мире средств массовой информации обойтись не представлялось возможным, вполне реальны, их должности приведены с точностью, но приписываемые им в романе поступки и высказывания – плод воображения автора и не имеют никакого отношения к реальным поступкам или событиям.

Накануне вечеринки 24 часа из жизни знаменитостей

«Звезда — это тот, кто много работает, чтобы стать известным, и затем надевает темные очки, чтобы его не узнавали».
Фред Аллен

Виктория Сан Гильермо, жена футболиста

Черные очки закрывали почти все ее лицо. Выходя из отеля «Риц», она опустила голову вниз, словно осознавая свою вину перед ордой фоторепортеров, дежуривших перед парадной дверью. Потом, за несколько секунд до того, как сесть в свою шикарную машину, она выпрямила спину, оказавшись в фокусе вспышек фотоаппаратов: «Вики... посмотрите сюда!.. Вики... пожалуйста!»

Незнакомые голоса требовали, чтобы она хотя бы ненадолго показалась такой, какая она есть, чтобы она повернулась или соизволила всего на несколько секунд снять темные очки от Гуччи.

В то утро Виктория надела черное довольно короткое платье, закрывавшее плечи. Талия была перехвачена шелковым пояском гранатового цвета, застегнутым серебряной брошью. На ней были туфли в цвет пояса с каблуками в десять сантиметров. Другим украшением были посеребренные серьги. С уложенными волосами и в макияже, она была похожа на женщину, направлявшуюся на ужин в один из лучших парижских ресторанов, но время было половина одиннадцатого утра, а ее водитель получил распоряжение отвезти ее в самые шикарные дома моды французской столицы. Сидя на кожаном сиденье в БМВ, ее уже ждали пресс-атташе и секретарша. На самом деле они томились там уже больше часа, и когда она наконец появилась, вздохнули с облегчением и одновременно с раздражением. Виктория даже не взглянула на тех, кто налегал на двоих ее телохранителей, защищавших ее от множества назойливых репортеров. Звезда не была расположена уступать мольбам папарацци, которые вот уже несколько недель подряд делали ее жизнь просто невыносимой. Она не могла сделать ни шага без того, чтобы не обнаружить их присутствие рядом. В разговоре с близкими людьми она называла их «кучкой вшей».

Шофер открыл перед ней дверцу, и она уселась в машину, тщательно следя за своими движениями, продемонстрировав публике поочередно ноги, покрытые искусственным загаром. Оказавшись наконец в безопасности в пассажирском салоне автомобиля, Вики повернула голову и очутилась нос к носу с одним из зевак, который прилип лицом к стеклу машины. Ей захотелось показать ему язык, но она давно уже научилась управлять своими поступками. *«Надо постоянно контролировать себя, дорогая»*, — с маниакальной настойчивостью повторял ей муж.

Поначалу постоянная забота о поступках и жестах, о способе выражения чувств очень ее развлекала, и она играла эту роль. Но с годами ее притворное и продуманное поведение превратилось в механическое, перестав доставлять удовольствие. Виктория приноровилась к жизни в оболочке, навязанной ей окружением, которое все обдумывало и делало за нее. Той честолюбивой молодой женщины, того непокорного ничтожества, которым она была шесть лет тому назад, больше не было. Время от времени ей случалось наткнуться на какую-нибудь статью относительно ее былой славы, но она читала ее, словно бы речь шла о ком-то другом. Иногда она также слышала кое-какие свои песни, но теперь даже не могла вспомнить ни названий

их, ни обстоятельств, в которых они были записаны. И уж тем более – с кем. Это было полным затмением, она вела исключительно жизнь жены футболиста, перемещаясь между Лондоном, Парижем, Мадридом и Миланом.

Естественно, муж был не просто футболистом, а одним из лучших на планете: Жюстен Сан Гильермо. В его жилах текла испанская и английская кровь, у него были талантливые ноги и гениальные ступни. Он сумел превратить свое спортивное мастерство в многонациональное предприятие. Стал рекордсменом по уровню доходов, в контрактах на рекламу, которые он подписывал, количество нулей постоянно увеличивалось. Все фирмы хотели иметь с ним дело для того, чтобы обеспечить продажу спортивной обуви, шоколадных плиток, сотовых телефонов или роскошных машин. Вот уже несколько лет Виктория помогала его рекламной кампании, используя историю супружеской жизни. Поэтому они вели свои дела успешно как по одному, так и в тандеме. Это была прекрасная коммерческая пара.

Сегодня задачей Вики было в основном оттенять его имидж для того, чтобы увеличить число его контрактов с известными рекламодателями. Для этого она всячески демонстрировала их любовь, давая возможность сфотографировать их на отдыхе, заботясь о том, чтобы на них были обращены взгляды людей, возбуждая всеобщее любопытство. Она преодолевала большие расстояния в походах по модным магазинам, встречалась с самыми популярными артистами – как, например, международная дива Клара Ленсон, – блистала на светских раутах. Короче говоря, она много и упорно трудилась в семейном бизнесе. Обратной стороной медали стало полное разочарование в том, что обычно входит в сферу удовольствий. В самые прекрасные моменты своего замужества она обожала тратить деньги с золотой карты своего кудесника мяча. Теперь даже такого простого жеста, как протянуть кредитную карточку какой-нибудь услужливой продавщице, она не делала: этим занималась ее секретарь. Теперь она не чувствовала больше никакой дрожи, прикасаясь к материалу или примеряя самые модные модели одежды.

Покидая свои роскошные апартаменты, перед тем как спуститься к машине, где ее ждали ее служащие, она констатировала, что ведет себя как автомат. Прекрасный образчик, но все равно робот, машина. Боф, ну и наплевать! Разве эта пустая суета, эти горы денег не являются самым прекрасным образом жизни? Ей постоянно об этом твердят. Ею восхищаются, на нее смотрят, ее стараются понять, ее съедают взглядами. Кому бы не захотелось оказаться на ее месте? Впрочем, об этом не может быть и речи: она не намерена уступать его никакой другой женщине.

Перед ее глазами проплывали исторические памятники Парижа, а она вдруг опять вспомнила об Эмме, своей бывшей ассистентке. О той памятной вечеринке, где она в красном облегающем платье с разрезом до середины правого бедра, с высоким строгим шиньоном, усыпанным жемчугами, спустилась по широкой лестнице своего дома в Италии, проводя ладонью с маникюром по кожаным перилам. Она улыбалась, глядя на Эмму, тогдашнюю свою секретаршу, одетую в простенький розовый костюм с полным отсутствием стиля. Виктория выглядела несравненно лучше ее. Именно поэтому ей очень трудно было смириться с мыслью о том, что Жюстен занимался любовью с секретаршей в перерывах между тренировками.

Она узнала об этом чисто случайно, услышав один разговор в ходе вечеринки, посвященной окончанию чемпионата. Два игрока клуба «Милан», где играл ее муж, хохотали, обсуждая то, как Жюстен овладел в углу раздевалки молодой худенькой секретаршей. Сидя за столиком позади кухни частного клуба, принадлежавшего руководству, они потягивали свое пиво и смачно шутили, не подозревая о том, что Вики незаметно стояла неподалеку. Она пришла туда за стаканом воды, чтобы запить таблетку аспирина и тем самым унять мигрень, сверлившую в ее висках. Вместо этого она почувствовала, что боль только усилилась, стала острой. От этого шока она даже закрыла глаза. Боль усилилась от этого известия, но не только от него. От этих грубых слов, полностью лишенных сочувствия, у нее появилось чувство тошноты. Она очень

хорошо знала сидевших там мужчин. Она приглашала их за свой стол, они иногда подшучивали над ее умением очаровывать мужчин. Она еще помнила, как они сказали Жюстену: «Тебе очень повезло, что у тебя есть Вики. Все при ней: красота, элегантность, чувство юмора». Они не произнесли слов «блестящая» или «умная», но она-то прекрасно знала, что такие определения вовсе не относились к такой женщине, как она: поверхностной и легкомысленной.

Покинув кухню, она направилась сразу же в раздевалку, забрала свою сумочку от Шанель и норковое манто, подаренное ей Жюстеном на тридцатилетие. Пошатываясь от боли, она вышла на воздух и стала ждать свою машину. Ее шофер помог ей сесть в автомобиль, пока она с трудом объясняла ему необходимость срочного возвращения домой для лечения мигрени. Она говорила как в бреду и теперь не могла вспомнить, что именно она приняла от головной боли. Зато в памяти ее прекрасно сохранились те первые мгновения пробуждения, когда все то, о чем вам хотелось бы забыть, вспоминается с безжалостной точностью. Она поискала глазами Жюстена, но он уже отправился на пробежку.

Было уже начало двенадцатого, и она умирала с голоду. Именно это и показалось ей самым удивительным: она, с ее аппетитом птички, послушная пыткам моды, могла бы съесть все, что было в холодильнике. В длинной шелковой ночной рубашке, не потрудившись даже набросить на себя пеньюар, она спустилась вниз и присела за стол с накрытым завтраком. На нем уже стоял фруктовый сок и легкий йогурт на фарфоровой тарелочке. Она развернула салфетку и стала ждать: управительница дома должна была явиться за распоряжениями.

Вики никогда не оставалась в одиночестве в этом огромном доме. У нее был в распоряжении весь необходимый ей персонал: от кастелянши до кухарки, от белошвейки до шофера, не забывая о двух садовниках и, естественно, о горничных, получавших указания от управительницы, настоящей хозяйки дома. Та, одетая в строгое белое с серым платье, с серьезным лицом, улыбаясь так широко, как требовалось, приблизилась, издавая скорее скользкие звуки подошв о пол, чем шаги нормального человека:

– Как вы себя чувствуете сегодня утром, мадам? Мне сказали, что у вас был приступ мигрени; не желаете ли принять за завтраком таблетку аспирина?

– Нет, спасибо, Кассандра. Лучше приготовьте мне сэндвич с этим ужасным арахисовым маслом, которым объедается Жюстен, да еще тосты с апельсиновым конфитюром. А также омлет с травами и беконом. И принесите полный кофейник крепкого кофе. С сахаром и горячим молоком.

Домоправительница озадаченно посмотрела на Вики, будучи в полной уверенности в том, что хозяйка должна была рассмеяться над этой неудачной шуткой. Та за целый день потребляла не более 1500 калорий, а теперь за одним только утренним приемом пищи намеревалась употребить калорий в два раза больше дневной нормы!

– Это все, Кассандра, спасибо, – повторила Вики, принимаясь за йогурт.

Остальной день прошел как обычно, разве что желудок Виктории был забит до отказа. Однако от этой мягкой теплоты ей было не по себе. Она страдала анорексией-булимией в те времена, когда начинала есть, и вскоре поняла, что это лишало ее сил. Поскольку ее стремление стать богатой и знаменитой требовало огромной траты энергии, она легла в больницу, чтобы вылечиться за счет студии звукозаписи. Болезнь оказалась не столь запущенной, ей удалось вылечиться от нее без излишних страданий. С тех пор она решила тщательно следить за своим питанием с помощью врача-диетолога. От него она потребовала установить ей такой драконовский режим питания, что она должна была в любом случае носить одежду 36-го размера.

Тем утром она справилась с желанием очистить желудок, вызвав рвоту, это не входило в ее привычки. Она поехала к Гуччи, опустошила его бутик, даже не удосужившись примерить на себя все эти наряды. А затем отправилась пообедать с одной из своих знакомых, которой она, естественно, ничего не сказала про то, что ее угнетало.

С самого начала своей связи со звездой мирового футбола, имевшей место шесть лет тому назад, она научилась никогда и ни с кем не делиться своими тайнами. Она знала, что их надо хранить, поскольку все ими слишком активно интересовались. Все, что она могла рассказать о своей семейной жизни, ценилось на вес золота и незамедлительно опубликовывалось в газетах по всему миру, и это чаще всего вынуждало ее притворяться забывчивой или глупой. Однако при всем этом она делала исключение для Мэнди, которая внимательно ее выслушивала и утешала еще со школьных времен. Девочки познакомились в колледже. Они вместе предавались мечтаниям, составляли планы стать богаче самого Креза, известнее самих битлов. Они вдвоем выкурили по первой сигарете, у них даже был один первый ухажер. Разлучить их не мог никто и ничто, ни мальчики, ни жизненные перипетии, ни страны.

Мэнди жила в Лондоне, ее мать была француженкой, а отец – англичанином. Ее взгляды на жизнь с годами изменились, сегодня она больше всего на свете любила свою семью и свой домик в пригороде Лондона. Честолюбие Вики намного превосходило скромные желания Мэнди, но ни ту, ни другую это вовсе не смущало: хотя они и пошли по жизни разными путями, это их не отдалило друг от друга. И если Мэнди иногда хотелось бы иметь гардеробную комнату размерами с целую квартиру, Вики, наоборот, частенько хотелось надеть на себя кухонный фартук подружки, чтобы приготовить биологически чистые блюда, от которых ее племя сходило с ума. Их дружба была сокровищем, из тех, что стареет с годами. Это было небывалой удачей: скольких подруг они уже потеряли за эти годы? Сколько явно хороших отношений успели испортиться и закончиться окончательным разрывом?

Если не принимать необходимых мер, то самая крепкая дружба вскоре ослабнет, а имена станут всего лишь смутными воспоминаниями, удивлением при перелистывании страниц старой записной книжки с адресами. Но именно этого не могло случиться в отношениях между Вики и Мэнди. Не проходило и недели без того, чтобы они не поговорили, не было месяца, чтобы они не встретились где-нибудь. Именно ей Вики позвонила со своего мобильного телефона, чтобы рассказать о своем довольно грустном обеде. У нее появлялось желание поговорить с ней всякий раз, когда на нее нападало это все более навязчивое чувство того, что жизнь ее почти что лишена всякого смысла.

– Ну, наконец-то, Мэнди! – вздохнула Вики, услышав, что подруга взяла трубку. – Я едва не умерла от скуки во время этого обеда, и теперь мне хотелось бы, чтобы ты поговорила со мной по-человечески!

На другом конце провода послышался смех Мэнди, и Виктория представила себе подругу стоявшей у кухонного стола в ее миленьком домике в чисто британском стиле. Мэнди всегда была весела и забавна. Она желала от жизни всего лишь крепкого здоровья и путеводной звезды над головой, которая помогла бы ей быть счастливой. В это она верила намного сильнее, чем Вики, и с удовольствием благодарила Господа, когда какая-нибудь проблема находила удовлетворительное решение. Маленький золотой крестик на шее подтверждал ее принадлежность к общности людей, которых она, Виктория, сторонилась, как чумы. Но опять-таки, эти различия во взглядах и в вероисповедании не смогли развести в разные стороны этих задушевных подруг.

– Вот как! А ведь я эту песню уже слышала... – воскликнула Мэнди.

Виктория улыбнулась. Ей уже стало лучше. Мэнди надо было бы стать целительницей или еще кем-нибудь в этом роде.

– Не подкалывай, красавица моя, ты не знаешь, как трудно поддерживать разговор ни о чем!

– Знаешь, у меня есть рецепт для того, чтобы ты не так сильно скучала, – ответила Мэнди. – А ты не подумала съесть что-нибудь? Взять вилку, подцепить кусочек приготовленной на пару рыбы, что лежит перед тобой в тарелке, положить его в рот, пожевать и проглотить.

тить? Гарантирую, что, когда ты ешь, можешь полностью сконцентрироваться на ощущениях, вкусе и забыть о зануде, что сидит напротив. Ну, что ты на это скажешь?

– Ты прекрасно знаешь, что этого сделать я не могу! Стоит только увеличить вес на один лишь грамм, как это обнаруживается, анализируется прессой. Лишние килограммы скрыть невозможно: меня снимают так часто, что я даже не понимаю, что уже наступила ночь! И потом, ты не знаешь, что я сделала сегодня утром: я съела завтрак людоеда, чего со мной не случилось вот уже много месяцев, а возможно, и лет! Я произвела налет на все запрещенные мне продукты, чем едва не вызвала сердечный приступ у моей домоправительницы. И теперь у меня такое чувство, что я проглотила футбольный мяч. Что ж, это определенно доставит удовольствие Жюстену, но я бы предпочла, чтобы у меня в желудке не было холодильника со всем его содержимым!

– В чем причина этой оргии, Вики? Нелады с мужем?

Тон Мэнди изменился, в ее голосе зазвучало легкое беспокойство.

– Я вчера вечером подслушала один разговор, – слабым голосом ответила Виктория. – Игроки во всех подробностях обсуждали, как Жюстен изменил мне с моей секретаршей. Миленкий получился вечер...

– С какой секретаршей? С Эммой?

– Да, и это мне особенно неприятно! Поверить не могу: мы круглые сутки находимся под объективами фотоаппаратов, а он находит возможность развлекаться с девками... Это меня убивает! Я прекрасно знаю, что она у него не первая, я не дура, но меня всякий раз больше всего удивляет то, что он делает это так, что его товарищи это видят и знают, что он не думает о том, что эта история может появиться в таблоидах. Знаешь что, Мэнди? Это сильнее его: всякий раз, как он покидает стадион, его член выскакивает из трусов! Я ведь не могу присутствовать на всех матчах для того, чтобы помешать этому человеку бросаться на все, что шевелится, правда?

– Правда, – ответила Мэнди, несколько ошеломленная этим внезапным откровением. – Но ты никогда не говорила мне о том, что подозреваешь Жюстена в неверности, да?

– Да. Я не хотела тебе об этом говорить, потому что отказывалась в это верить. Если бы я об этом заговорила, это означало бы, что я верю слухам. А я к этому не была готова. Но вчера вечером я услышала об этом, и могу тебя уверить, что это не было шуткой: я незаметно вошла в комнату.

– И ты уверена, что были и другие измены, что это – не единственная случайность, которую он мог бы тебе объяснить? – спросила Мэнди.

– Я вынуждена признать реальность: я слишком долго на все закрывала глаза. Для жен других футболистов это никакое не табу, они даже обсуждают похождения своих мужей между собой во время этих миланских послеобеденных встреч. Они поглощают печенье и литрами пьют содовую, обсуждая альковные похождения своих мужей!

– Но ты на эти встречи не ходишь?

– Была один раз, мне все это очень не понравилось. На меня словно обрушился потолок! Я убежала оттуда, сославшись на то, что меня ждет парикмахер, чтобы подкрасить волосы.

– И потом ты обо всем этом забыла?

– Ну да. Выбросила из памяти. До вчерашнего вечера. И теперь я не просто чувствую себя обманутой, но меня от этого тошнит.

– О нет! Ты ведь до этого не дойдешь!

– Конечно, вместо того, чтобы освободить желудок от тартинок с арахисовым маслом и омлета, я лучше вышвырну вон свою секретаршу!

– Правильно, Вики! Ты могла бы еще врезать мужу ногой по одному месту...

– Я не стану трогать Жюстена, Мэнди. Просто сделаю его пассивным наблюдателем моей мести.

– Полагаешь, это может послужить ему уроком, да?

– Нет. Но надеюсь, что это заставит его в будущем быть осторожнее. Знаешь, я не очень ревнива, но ненавижу, когда меня принимают за идиотку. Ведь если об его похождениях станет известно людям, это не только сорвет наши финансовые контракты. Я стану королевой обманутых жен, а этого я вынести не смогу!

– А если девица обо всем проболтается? – воскликнула Мэнди.

– Ты права, определенный риск есть. Но что я, по-твоему, должна сделать: смириться с этим? Предпочитаю, чтобы во всем была ясность, нежели таскать за собой эту мерзавку, да еще и платить ей деньги! Ладно, Мэнди, я не сержусь, но меня ждет водитель, я должна ехать. Я просто хотела освободиться от этого груза, зная, что ты всегда можешь меня успокоить...

– Вики, у меня такое чувство, что ты заводишься. Успокойся и не злись. Позвони мне, когда заткнешь рот своей секретарше, хорошо?

– Обязательно. Спасибо, я тебя обожаю!

Виктория прервала связь и спрятала мобильный телефон в свою черную сумочку от Диора. Потом она вышла из тихого холла ресторана и юркнула в машину, оставив позади рой фотографов.

Заехав домой, чтобы привести себя в порядок и переодеться – она не могла весь день носить одну одежду, – она отправилась пить чай с женой самого кассового актера Соединенных Штатов, которая была в Италии проездом. С ней она систематически обсуждала голливудские сплетни. Как всегда, ее сопровождал эскорт папарацци, и, как всегда, она не обращала на них внимания из-под своих темных очков. Во время беседы в ее голове созрел план сладостной мести. Ей хотелось отплатить своей помощнице за измену с мужем как можно более зрелищным образом. Но, с другой стороны, она предпочла бы умереть, чем прочесть о своем несчастье в газетах. Виктория решила убрать Эмму из своей жизни. Но прежде ей хотелось унижить ее.

В тот вечер она должна была сопровождать Жюстена на торжественный прием в Миланской опере. Она была великолепна. Несколько раз позвонила Эмме по телефону, решив проблемы с расписанием на день. Ничто в ее голосе не выдавало злости. Принарядившись, она спустилась вниз по широкой лестнице с улыбкой на губах. Жюстен стоял внизу, чувствуя себя неловко в парадном костюме. Он читал пригласительный билет. Это было довольно необычно, поскольку он никогда не читал бумаги, предпочитая перепоручить это прислуге. Эмма стояла неподалеку от него, на лице ее горел легкий румянец. Погладил ли Жюстен ее по заду или прямо запустил руку под юбку?

Когда Вики спустилась по лестнице, она выдержала взгляд своей ассистентки и услышала из-за ее спины вопрос Жюстена:

– Ну что, ты готова?

– Почти. Перед уходом мне надо решить один вопрос, – ответила она, сохраняя самообладание.

Потом она приблизилась к Эмме, приветливо улыбнулась ей и плюнула в лицо. От неожиданности Эмма отпрыгнула назад и ударилась спиной о мраморный выступ. Рукавом костюма она неловко вытирала щеку, а другой рукой потирала ушибленное место.

– Вы уволены! Надеюсь, у вас не хватит наглости спрашивать у меня причины увольнения, а я не стану опускаться до объяснений, – холодно бросила Виктория, направляясь к выходу.

Жюстен был потрясен. От резкости поступка, его неожиданности у него перехватило дыхание. Глядя, как по пунцовому лицу притихшей Эммы полились слезы, он услышал голос жены, которая твердо, но примирительно позвала его:

– Ты идешь, Жюстен? *Все под контролем, дорогой.* Не стоит опаздывать.

Шофер распахнул перед ней заднюю дверцу одной из машин из коллекции футболиста. Автомобиль стоял перед крыльцом из тесаного камня. Холодная и высокомерная, Виктория

села в черный «роллс-ройс» и даже не обернулась. С Жюстеном все было ясно. Он оставил Эмму в холле под присмотром Кассандры, которая сделает все необходимое, чтобы ту успокоить. Сев рядом с Вики, он опустил голову, как провинившийся мальчишка. И почувствовал на бедре руку жены. Длинную тонкую ладонь, наполненную красной кровью. Когда она нанесла последний удар, он вздрогнул: «Жюстен, если ты снова начнешь совать свою биту в разные непотребные места, я тебе ее отрежу: понятно?»

* * *

Глядя на другой берег Сены, Виктория почувствовала желание уйти в воспоминания того Парижа, который был ей хорошо знаком. Это напомнило ей о детстве. Хотя Франция казалась ей сегодня довольно далекой страной. Она теперь уже не знала, в какой именно стране она родилась. Карьера певицы привела ее в Соединенные Штаты, где она организовала трио девушек под названием «Троица». С первой же песни они произвели сенсацию, собрали все возможные призы и сорвали джекпот. Они умудрились пробыть на вершине славы целых пять лет. Это было невероятно для юной француженки, которая однажды утром прибыла на другой берег Атлантики, имея в кармане только номер телефона одного американского продюсера, с которым случайно встретилась в каком-то парижском баре.

В зеркале заднего вида она заметила несколько папарацци, следовавших на мотоциклах за ее машиной на разумном расстоянии. На лице ее появилась гримаса раздражения: неужели это никогда не закончится? Она относилась к этому не как те актрисы, что любят откровенничать в скандальных газетах, она не отказывалась в них появиться, когда ее специально просили сняться на обложки журналов высокого класса: «*Вейнити*», «*Пипл*», «*Стар Сити*» Но в последнее время она устала от этих бесконечных щелканий фотоаппаратов.

Ее заботило поведение Жюстена, ставшего с возрастающей настойчивостью требовать родить ему ребенка. Хотя ей уже вскоре должен был исполниться 31 год, она не чувствовала себя готовой к материнству. В то же самое время она начала задумываться над тем, чем могла закончиться жизнь, в которой она занималась только собой. Конечно, она заботилась о своих родных. Но у них была своя жизнь. Что же касается Жюстена, то он был настолько занят в клубе, что у нее иногда складывалось впечатление, что она ему не очень-то и нужна. Когда она выгнала свою секретаршу, то заметила, насколько ее тревоги были неоправданны: Жюстен сделал все, чтобы заслужить прощение, хотя она решила его за это вовсе не наказывать. Вспышка гнева в холле накануне того приема показалась ей вполне достаточной для того, чтобы показать мужу, с кем он имел дело, если он это забыл.

Действительно, Жюстен явно не мог жить без нее. И это наполняло Вики невероятной силой, а также очень завораживало ее. Потому что после случая с Эммой она поняла, что ее великая звезда круглого мяча имел привычку после игры заниматься любовью и что ее ассистентка бы не первой, с кем он забавлялся на четвереньках в глубине раздевалки. Вики знала также, что Жюстен не сможет долгое время хранить ей верность.

Мир футбола – это закрытый мирок игроков. Она слышала рассказы об играх чемпионата мира, когда девушки по вызову появлялись в комнатах до отбоя. Игроки называют это сбросом адреналина. Присутствие жен не приветствуется, поскольку известно, что они стараются отвлечь мужей от стоящей перед ними задачи: победить. Зато желанным считается присутствие бесстыдных девиц. Они развлекают королей мяча, а это – не одно и то же. Вики слышала даже, что у игроков есть свои предпочтения в зависимости от страны, где они играют. И ее муж не является исключением. В компании он был не последним пьяницей и бабником. И не надо было себя обманывать. Но в этих условиях нужен ли ей ребенок? Что на это сказала бы Мэнди, эта образцовая мать четверых детишек, несравненная домохозяйка, любящая жена внимательного мужа?

Она не успела отправить подруге послание с просьбой перезвонить ей, потому что машина остановилась.

– Руководительница службы особо важных гостей фирмы «Шанель» ждет вас, мадам, – сказала пресс-атташе.

Виктория достала пудреницу от Герлена и проверила в очаровательном позолоченном зеркальце, все ли было в порядке с макияжем.

– Вы великолепны, мадам, – заверила ее помощница.

Ее звали Люси. Она была француженкой и очень полезной секретаршей. Вики взяла ее на службу за безупречное поведение, она была не из тех, кто мог рисковать своей работой ради мимолетной интрижки. Ей нравилась ее любезность без всякого заискивания и разумные высказывания, исключавшие пустую болтовню.

– Спасибо, Люси. Я выхожу.

Люси дважды постучала в стекло, и водитель широко распахнул дверцу. Не успела Виктория выйти из машины, как услышала потрескивание фотовспышек. Она опустила голову, надела на припудренный нос свои темные очки и быстро вошла в бутик. Ее пресс-атташе Жоан и ее секретарша последовали за ней, а в это время две мускулистые руки следили за тем, чтобы ни один фотограф не проник в здание.

Под позолоченной потолочной лепниной особняка ее встретили с почтением, но она не проронила ни слова. Вики давно привыкла к примеркам для VIP-клиентов. Ей предоставили советника, салон, огромную кабину для примерки, где она была одна. Иногда ей удавалось заполучить для примерок стилиста или даже знаменитого кутюрье. После свадьбы, принесшей ей неслыханную известность, равно как и счет в надежном банке, она прошлась по всем домам Высокой моды и собрала дома в шкафах коллекции одежды, достойные самых престижных аукционов. Она разрешила обслуживать себя целых полтора часа, покупала вещи скорее по наитию, нежели в результате примерки. Ее обмерили, наговорили комплиментов, предложили кофе. Но она не произнесла и трех слов в одном предложении. Когда один из продавцов бутика решил перейти к другой теме и спросил о желаемой длине юбки и о том, не предпочтет ли она цвет чайной розы красному цвету фуксии, ее секретарша вмешалась в разговор и ответила вместо нее: «Мадам Сан Гильермо на вопросы не отвечает».

Сделав покупки, которые пришлось уложить в двенадцать огромных сумок со знаменитой буквой «С», Виктория в ответ на прощания и благодарности ограничилась кивком головы. Достаточно высокомерным, чтобы дать понять, что она – настоящая звезда.

Время уже почти приблизилось к 13 часам, а у нее был запланирован обед с Порсией, одной из бывших коллег по группе «Троица». Они не виделись почти четыре года. Порсия была беременна от одного очень модного американского художественного фотографа. Тот, правда, был несколько болтлив и к тому же на пятнадцать лет старше ее. Виктория не сразу приняла ее приглашение в шикарный ресторан «Крийон». Стоило ли встречаться с подругой тех времен, коль скоро она сама вычеркнула те воспоминания из своей памяти? Стоило ли снова становиться той юной и бедной девушкой из Плен-Сен-Дени, которой она была десять лет тому назад? И следовало ли ей дать снять себя в компании Порсии, которая после завершения их музыкальной эпопеи растеряла все, что дало ей пение? Однако в течение последнего времени Вики испытывала приступы ностальгии, выводившей ее из душевного равновесия. И потом, возможно, что ей будет не столь уж неприятно снова увидеться с Порсией. Она даже ждала приятного удивления, поскольку с ней они пережили каторгу, осмеяние и громадный успех. Все это было вперемежку, а это, несомненно, сближает.

Машина двинулась в сторону «Крийона». Вики снова ушла в свои мысли, глядя, как за стеклом проплывает Париж. Сидя напротив, на сиденье из белой кожи, ее пресс-атташе жестко говорила по телефону с журналистом из «Харперс Базар» по поводу отбора последних гламурных фотографий Виктории и Жюстена. Рядом с ней Люси записывала последние изменения

в календаре, которые диктовала ей по телефону руководительница по связям с общественностью Жюстена. Стоял приятный шум, к которому Вики уже давно привыкла. Ее мобильный телефон тоже позвонил, но она решила не отвечать на вызовы. Очень немногие знали номер ее личного телефона, это были только родственники, но она не желала ни с кем разговаривать. Ей нечего было сказать Жюстену, его родня изводила ее вопросами о состоянии его дел, друзья могли подождать, а она никак не могла переговорить с Мэнди в присутствии своих помощниц. Поэтому-то она и отключила сигнал своего мобильного. До той поры, пока она не окажется в «Крийоне», где ее будет ждать столик в укромном уголке ресторана.

Когда машина остановилась, ей пришлось проявить всю свою сноровку, чтобы скрыться от папарацци, чьи фотоаппараты находились в нескольких сантиметрах от ее лица. Она вихрем влетела во дворец и сразу же увидела Порсию. Та была толще воздушного шара, в правой руке она держала соленый крендель с тмином.

– Порсия! Да ты похожа на гиппопотама, что с тобой приключилось? – воскликнула Вики, намереваясь обнять старую подругу.

– Если ты будешь меня оскорблять, Вик, я оставлю тебя одну с твоими сотрудниками и метрдотелями, – с обидой проворчала в ответ Порсия.

– Мне это было бы удивительно, ты ведь уже начала есть, насколько я понимаю. Уверена, что ты от пиршества отказаться не сможешь!

– О'кей, я тут решила немного перекусить. Но ведь люди не всю жизнь бывают беременными: только девять месяцев...

– Ладно, рассказывай: девочка будет или мальчик?

– Девочка. Зваться она будет Джеки, креститься в Лос-Анджелесе и будет как можно дальше находиться от двуногих существ мужского пола. А свою первую полоску кокаина сможет понюхать не раньше восемнадцати лет.

– Великолепно! Но откуда ты добыла эти революционные правила воспитания?

– Из своего детства, черт возьми! Ну, а ты-то как? Рассказывай!

– Рассказать о четырех годах жизни за время обеда – времени как раз хватит! К счастью, мне не надо рассказывать о замужестве, поскольку ты была одной из моих свидетельниц, а также не надо распространяться о первых месяцах моей жизни с Жюстеном, поскольку я тогда регулярно ездила в Калифорнию, где у нас были виллы в одном квартале на Беверли-Хиллз...

– Ты словно читаешь мне диалог из комедии положений. Я не требую от тебя резюме предыдущих эпизодов, я просто спрашиваю, что у тебя новенького!

– Уф, спасибо! Наконец-то я говорю с нормальным человеком из моего окружения. Кроме Мэнди, в радиусе шести тысяч километров от меня нет разумных людей!

– Итак, ребенка не намечается? – спросила Порсия, надкусывая слоеный пирожок с сыром.

– Посмотрим. Нет, разговоры об этом идут. Жюстен очень настаивает, я сопротивляюсь. Но учти, я не должна прочесть об этом в газетах, Порсия. Иначе я заставлю тебя выложить назад все, что ты ешь!

– Ты думаешь, я играю в такие игры? Мне и без того достаточно слухов по поводу моей толстой персоны, зачем добавлять к этому еще и подруг!

– Впрочем, я не намерена говорить об этом, – оборвала ее Вики. – Расскажи-ка лучше, как ты познакомилась с Пабло.

– Ничего интересного. Просто наши взгляды встретились на одной его выставке. Он начал за мной ухаживать и заманил в постель! Теперь я пожинаю плоды его работы.

– Но ты хотя бы его любишь?

– Я такие вопросы уже давно себе не задаю.

– Ладно. А ты ничуть не изменилась, меня это радует.

– Да. Но это менее интересно, чем твоя история с Жюстеном, вот и все...

– А что интересного в моей истории с Жюстеном?

Порсия вдруг перестала жевать и внимательно посмотрела на Викторию.

– Что ты на меня так смотришь? – спросила Вики. – У меня что, листок салата прилип к зубам?

– Нет, просто у тебя короткая память. И потом, для того, чтобы салат прилип к зубам, надо его съесть...

– Зачем? Ты ешь за троих!

– О'кей, сейчас я освежу тебе память. Ты на Барбадосе в отпуске идешь по покрытому мелким песком пляжу, думая о вашей встрече. Звонит твой мобильный телефон. Это он, ты говоришь ему, что тебе его не хватает. Он отвечает: «Обернись». Ты оборачиваешься, а он стоит в двух шагах позади тебя. Прекрасный, как бог, в красных плавках...

– Ну, это ты путаешь с Хассельхоффом из фильма *«Спасатели Малибу»*.

– А разве все было не так?

– Нет, даже если ты добавишь сюда шабадабада... Ладно, прошло уже шесть лет, к счастью, у меня есть и другие воспоминания.

– Вот именно, об этих-то воспоминаниях я тебя и спрашиваю!

– Но не сейчас же сразу, Порсия! Я не хочу доставать альбом. Мне просто хочется поболтать с тобой обо всем и ни о чем.

– Хорошо. А не попробуешь ли ты съесть одну креветку, чтобы я смогла увидеть, как Виктория Сан Гильермо кушает? А потом поговорим.

Они обе рассмеялись. Между ними снова стало понемногу возрождаться доверие. Но Виктории надо было еще сделать кучу дел после обеда. Ее распорядок дня был расписан с точностью до минуты. Стоя перед ними, пока Вики по настоянию Порсии согласилась скушать ложечку карамели в шоколаде, ее секретарша поглядывала то на часы, то на Викторию с натянутой улыбкой на губах.

– А это кто? Семафор? – прыснула Порсия.

– Представляю тебе Люси, мою секретаршу, мою правую руку, мое левое полушарие мозга. Люси, это – Порсия, я полагаю, вы ее знаете...

– Разумеется. Очень приятно, мадемуазель. Примите мои поздравления по поводу ребенка.

– Да она умеет разговаривать! И говорить приятные вещи! – усмехнулась Порсия.

– Ладно, моя дорогая, оставляю тебя наедине с десертом. Я должна встретиться с министром культуры.

– Мумм, ступай! – попыталась выговорить Порсия с полным ртом.

– Целую тебя, не надо вставать. И звони мне чаще. В любом случае сообщи о рождении дочки.

– Постой, дай-ка мне номер своего мобильного, у меня его нет! Мне сегодня в полдень пришлось дозваниваться до тебя через пресс-атташе, представляешь!

– Зато сама видишь, что так все получается очень четко. Джоан в этом смысле просто сокровище, она передает мне все послания. Извини, но время поджигает. Чао! И пожалуйста, пожалей свои весы! – крикнула ей Вики, выходя из ресторана.

* * *

Прием должен был проходить в зале для почетных гостей министерства. Виктория заехала в отель, чтобы надеть брючный костюм с белой мужской рубашкой, чья гладкая и нежная материя очень ей нравилась. Костюм был очень элегантным, она носила его с черными туфлями на таких высоких каблуках, что с трудом верилось, что она могла на них удерживать равновесие. Ее украшения из золота и бриллиантов сверкали на шее, в ушах и на указа-

тельных пальцах с накрашенными ногтями. Волосы, уложенные ее парижским парикмахером, были уложены ровно щипцами, глаза были настолько угольно-черными, что ее художник по гриму, как она называла свою гримершу, не сочла необходимым использовать броскую губную помаду. Виктория была готова принимать знаки уважения, терпеть вспышки фотоаппаратов и блефовать. Она приготовилась играть свою роль: главную роль ее жизни.

Портье открыл дверь, и ее принял руководитель кабинета, который представил ее затем самому министру, явно польщенному тем, что принимает жену великого игрока. Несколько специально отобранных фотографов получили разрешение присутствовать на коктейле, чтобы сделать официальные снимки Виктории Сан Гильермо. Они с радостью воспользовались этим, в то время как Виктория начала скучать. С бокалом шампанского в руке она старалась подавить скуку, слушая печальный разговор министра. Виктория спрашивала себя, что она здесь делает. Когда Джоан рассказала ей об этом приглашении, она вначале подумала, что речь шла о министре спорта и что ей надо будет сопровождать Жюстена на какую-то церемонию в честь футбола. Затем Джоан объяснила ей, что министр пожелал увидеться именно с ней и именно в министерстве культуры, чтобы почтить ее. «В честь чего?» – спросила Вики. Джоан сказала странную вещь: в честь того, что она была известной певицей. Неужели завершение певческой карьеры по причине выхода замуж за футболиста было успехом? Вообще-то в глубине души Виктории было наплевать на то, что стало причиной этого приглашения. Она была польщена и не имела ничего против того, чтобы ее снимали на фоне знамен Республики. Это было довольно серьезным шагом, в кои-то веки!

Но теперь она сильно заскучала и стала искать удобный момент для того, чтобы незаметно уйти. Но как можно было тактично скрыться спустя час после прибытия, когда именно она была героиней дня? Она увидела своего пресс-секретаря: та заливалась радостным смехом, разговаривая с одним из гостей. Повернувшись к министру, продолжавшему свой неинтересный монолог, она спокойно, но твердо оборвала его: «Извините!», а затем отошла от него. Господин министр в растерянности вопросительно посмотрел на своего руководителя кабинета. Тот поднял руки в знак того, что не понял этого поступка.

Вики направилась к Джоан, раздавая улыбки гостям. Когда она остановилась рядом, Джоан тут же прервала свой разговор.

– Я хочу уйти, – сказала Вики.

– Но это невозможно, мы только что приехали! – ответила пресс-атташе.

– Невозможно? Ваша работа состоит в том, чтобы это стало возможно, – холодно ответила Вики.

– Очень хорошо, сейчас я переговорю с министром, – заявила Джоан.

Спустя десять минут они уже ехали к известному дворцу на Вандомской площади. Их по-прежнему сопровождали на мотоциклах фотографы. Вики хотелось только одного: залезть под одеяло и позвонить Мэнди. Однако у нее была еще встреча у Картье, где она хотела посмотреть новые украшения: Жюстен хотел подарить ей что-нибудь на годовщину их свадьбы. Семь лет, как говорят, решающий срок в любой истории любви. Бриллианты вечны, а что-то будет с их браком! Потом она должна будет вернуться в свои апартаменты, где ее уже ждут парикмахер, гримерша и костюмерша. Поскольку спустя несколько часов ее ждали в одной из студий самого влиятельного телеканала Европы. Руководитель канала «Премиум» пригласил ее на свою престижную вечеринку, и она уже решила произвести там сенсацию.

Пока машина следовала по улице Риволи, Джоан просматривала международную прессу, в частности те дешевые газетенки, любимой жертвой которых была Виктория. Одни статьи она читала до конца, о других предпочитала умалчивать. Необоснованные слухи, ложная информация, явный перебор: прежде чем найти в этих газетенках что-нибудь стоящее, надо было в них хорошенько покопаться.

– Расскажи мне и о самых худших публикациях, – попросила Вики.

– Не думаю, чтобы в этом была необходимость, – ответила та, не отводя глаз от лежавшей на коленях газеты.

– С каких пор я плачу тебе за то, чтобы ты думала? – взорвалась Вики. – Я хочу, чтобы ты рассказала мне, что эти падальщики пишут обо мне на самом деле, а не только сладкие сказки!

Джоан была задета за живое и поэтому вытащила из стопки газету с самой неприятной статьей. В ней снова шла речь о многочисленных пластических операциях на лице, сделанных женой футболиста и приведших к тому, что, как утверждал журналист, муж, проснувшись утром, не узнал Викторию.

– Это полное отсутствие воображения! Я такое читала уже сотню раз! Неужели ты думаешь, что читатели настолько ограничены, что соглашаются постоянно читать об одном и том же? – воскликнула икона стиля, не отрывая взгляда от черно-белых снимков, на которых она, высокомерная и чопорная, была запечатлена на одной из улиц Лондона.

– Это потому, что вас сняли рядом с клиником Бродери. И этот факт дал им повод для того, чтобы снова вернуться к старым сплетням о пластической хирургии.

– Но ведь я в Лондоне ничего этого не делала, я только пришла навестить леди Пинкли, которая, кстати, переделала свою улыбку! Если бы журналисты были сильнее заинтересованы в открытии истины и поменьше заботились бы о тиражах своих газетенок, они могли бы внимательнее посмотреть на эти снимки: я ни на йоту не изменилась в течение целого года! А я-то думала, что они внимательно меня изучают...

– Так они и делают, когда их это устраивает.

– А разве ты не можешь сделать заявление в прессе, чтобы они прекратили распространять сплетни по поводу моей надуманной страсти к пластическим операциям?

– Невозможно опровергнуть то, что основывается на правде.

– Что это значит?

– То, что вы все-таки сделали несколько косметических операций, подтверждает их сплетни. Сообщение для прессы сейчас только еще больше вызовет их любопытство.

– Но у меня теперь нет ни минуты покоя!

– А вот и музей д'Орсэ! – внезапно очнулась Люси.

– Да успокойтесь, – с упреком сказала ей Виктория, – это всего лишь музей, что вы так волнуетесь?

– Там у меня было первое любовное свидание...

– И вы поцеловали парня впервые между двумя произведениями искусства? Да где вы воспитывались? Надо знать, что для этого есть ночные клубы! Вы что, не гуляли по ним, когда были молоденькой девочкой?

– Я предпочитала ходить по музеям, это была моя маленькая тайна.

– Какой ужас! Но тогда вам должно быть скучно ходить со мной по бутикам, не так ли?

– Те бутики, что вы посещаете, тоже напоминают музеи, разве нет?

У Виктории не было времени подумать над этим, поскольку шофер уже распахнул дверцу и ждал, когда она соизволит выйти из БМВ.

Поднявшись в свой номер в сопровождении помощниц, она вернулась мыслями к статье про ее косметические операции, поскольку статья ее немного задела. Это напомнило ей тот день, когда Жюстен в буквальном смысле слова поставил ее на место по этому поводу. Какой-то журналист из «Дейли» привел ее в бешенство, сказав ее слова и заявив, что она больше походила на инопланетянку, чем на земную женщину. Жюстен с нарастающим нетерпением выслушал ее жалобы относительно жестокого отношения к ней со стороны средств массовой информации. Футболист, более привычный к грубой холстине, чем к кружевам, внезапно прервал ее жалобы: «А может, хватит обманывать их? Да, ты стала другой, но что с того: скальпель хорошо поработал, не так ли?» Он едва успел убрать голову с траектории полета вазы, представлявшей имитацию эпохи династии Мин, которую взбешенная Вики запустила в него

опытной рукой. Тогда он дал задний ход, и после этого ни он, ни она никогда больше на эту тему не разговаривали. И все-таки Виктория стала все чаще тщательно смотреть на себя в зеркало, задаваясь вопросом, все ли у нее в порядке с лицом. Но поскольку никто не осмеливался высказать ей то, что думал по этому поводу, она продолжала оставаться в неведении.

Джоан заметила, что у хозяйки внезапно опустились уголки рта, что не предвещало ничего хорошего. Она попыталась уйти, но Вики опередила ее, приказав сверить свою записную книжку деловых встреч. Войдя в свои апартаменты, Виктория сбросила туфли и принялась растирать ступни.

– К «*Картье*» я не пойду, скажите им, что выберу то, что нужно, по каталогу. И к стилисту из «*Ньювеа*» тоже не пойду: мне надо отдохнуть до вечера. А теперь скажите, чтобы мне принесли таблетку аспирина и чашку чая «Дарджилинг».

Говоря это, Виктория оттеснила Люси и Джоан к выходу и захлопнула за ними дверь. Они не обиделись, напротив, вздохнули с облегчением. Если повезет, они тоже смогут пару часов отдохнуть.

Виктория присела на огромную кровать и взяла со стоявшего рядом круглого столика меню блюд, которые подавались в номера. Она почти ничего не съела в «Крийоне» во время обеда с Порсией и теперь чувствовала, что ее начинало подташнивать. Она хорошо знала причину этого: ее желудок регулярно страдал, но со временем она научилась не позволять ему ее мучить. Она заказала свекольный салат, жареное мясо без соуса, белый сыр, минеральную воду без газа, Виктория жила в королевстве «без», и это относилось не только к пище. Она жила без единой морщинки, без единой жировой складки, без любовника. Но она состояла из плоти и из чувств. Она решила побыть голой еще некоторое время, но передумала, опасаясь, что какой-нибудь папарацци мог подкупить консьержа отеля для того, чтобы получить редкий вид на окно ее номера. Она убедилась в том, что никто не прятался на террасе, и задернула все шторы. Потом проверила все шкафы и укромные места своих апартаментов. Когда она заканчивала проверку, в дверь постучались. Это доставили ее скудную пищу. Даже несмотря на то, что в ней было мало калорий, она предпочла лишь поклевать немного с каждой тарелки, не доедая блюдо полностью. Белые простыни кровати распахнули перед ней свои объятия, она легла, не сняв свой белый пеньюар, и вскоре уснула.

* * *

В апартаментах 422 царил неописуемый шум. Все находившиеся там люди задавали вопросы, требовали ответа на них, звонили, сновали взад и вперед. Виктория, стоя посередине комнаты в платье из тафты сливового цвета, которое подкалывала булавками копошившаяся у ее подола костюмерша от «Шанель», в отчаянии хмурила брови. Люси, почувствовав опасность нервного срыва, громко произнесла:

– Тише, пожалуйста! Нельзя ли говорить на тон ниже? Мне кажется, что мадам Сан Гильермо сейчас требует тишины.

Уровень шума мгновенно уменьшился, и Вики сразу же почувствовала себя лучше. Она проспала целых два часа и проснулась от настойчивого стука в дверь. В полусонном состоянии она дошла до двери, за которыми стояли телохранители. Люси пришла сказать, что ее ждала прислуга. Парикмахер, косметичка, костюмерша были готовы работать, чтобы привести ее в порядок для участия в вечере Филиппа Серра. Ворчливым голосом она велела Люси наполнить ванну и с наслаждением погрузилась в горячую воду. Она слышала голоса, доносившиеся из маленького салона, отрывки разговора. Закрыв глаза, одна, голая в ароматизированной воде, она заряжала свои аккумуляторы. Ей ничуть не хотелось отдавать себя в распоряжение всех этих людей, единственной целью которых было удовлетворять ее желания, но все же ей при-

шлось выйти из воды: ее поездка в Париж была организована вокруг этого вечернего коктейля, и она помнила о том, что собиралась произвести на нем сенсацию.

Надев сшитое на заказ платье, Вики разрешила сделать последние штрихи для подчеркивания своей красоты: парикмахер тщательно расчесал ее постриженные каре волосы и слегка закрепил их лаком. Косметичка снова нанесла немного пудры на ее лицо и на декольте, и все отошли на несколько шагов, чтобы полюбоваться шедевром. Виктория была похожа на одну из восковых фигур из музея Гревен.

– Полагаю, что все в порядке, я вовсе не собираюсь казаться произведением искусства! – произнесла она с вздохом и медленно подошла к столику на фигурных ножках, где лежал ее личный мобильный телефон. Взяв его, она набрала номер Жюстена. Пока в их мадридской вилле раздавался звонок вызова, Люси выпроводила всех из апартаментов и шепнула Вики, указывая пальцем на циферблат своих часов:

– Машина будет внизу через десять минут...

Виктория кивнула и прошла в спальню. Жюстен трубку не брал.

– Жаль, что ты переключил телефон на автоответчик! Я хотела сказать тебе пару слов прежде, чем поеду на вечер: я подписала контракт с обувной фирмой «Страшюз» и приняла приглашение поехать на новогодние праздники на Мальдивы. Надеюсь, у тебя ничего на это время не запланировано, в противном случае мы это обсудим дополнительно. А теперь я свой мобильный телефон отключаю, но если появятся проблемы, звони Джоан или Люси. Хорошего вечера, и будь умником!

Сказав это, она посмотрела в окно и полминуты любовалась Парижем. Потом посмотрелась в зеркало и удостоверилась, до чего она была хороша в этом платье. Может быть, бедра вырисовывались слишком плотными? Надо будет подумать, как поскорее убрать протеины, поговорить с диетологом. За такие моменты, когда все взгляды прикованы к ней, Виктория готова была душу продать. Впрочем, она это уже сделала. Сегодняшняя Вики не имеет больше ничего общего со вчерашней женщиной. Она рассталась со своими прежними ценностями и сделала все, чтобы стать иконой, самой фотографируемой на планете. Возможно, Вики стала лишь тенью самой себя, но тенью сверкающей.

Анни Дюмель, руководительница службы косметики журнала «Стар Сити»

Подземный паркинг освещался тусклым светом. Было уже поздно, начало одиннадцатого вечера, и Анни была довольна тем, что команда из редакции наконец-то ушла. В этот вечер ожидание продлилось дольше запланированного, и она даже начала задаваться вопросом, когда все это закончится. Представив себя артистическим директором, работающим с некоторыми пор сверхурочно – несомненно, из-за проблем в семье, – она вздохнула. Когда он пришел и предложил ей пропустить по стаканчику, она вежливо отклонила приглашение, зная, что в пятницу вечером ее ждала работа. Как только лифт за ним закрылся, она обошла все кабинеты и большой зал опенспейс, где работали журналисты «*Стар Сити*», а затем открыла дверь хранилища, где было собрано все, что поступило в редакцию в течение этой недели.

Анни была руководителем отдела косметики самой большой светской газеты страны, и этот статус давал ей право получать все новые косметические товары. Честно говоря, ее помощница была уже больше не в состоянии всего учесть, столько пакетов ежедневно накапливалось в тележке для почты. Там было все: косметика, кремы, духи, средства для ухода за волосами, лосьоны, короче говоря, все средства, которые только можно себе представить, предназначенные для ухода за всеми частями тела. От самых дешевых до самых шикарных. Анни требовала от работников по связям с прессой по три единицы каждого образца продукции их фирм. Когда она наткнулась на статью, которую ей не представили из ящика какой-нибудь из ее журналистки, она возмущалась и угрожала: Анни была кошмаром для руководителей служб по связям с общественностью, но не вопиющим кошмаром. Скорее человеком, который добивался того, чего хотел, бойкотировав тех, кто забывал достаточно скоро о том, что она, руководитель страниц, посвященных косметическим средствам «Стар Сити», вершила судьбами фирм на рынке косметики.

При всем этом она вовсе не отличалась высокомерием, просто всегда имела вид начальницы и страстное желание быть самой красивой для того, чтобы пойти на танцы. Она всегда была безупречно одета, модно и броско, ее каштановые волосы, подстриженные каре, еженедельно укладывались одним знаменитым парикмахером, которому она ничего не платила за работу. Маникюр на руках всегда был без малейшего заусенца. Анни было уже под пятьдесят, и она радовалась своему внешнему виду развязной простушки. Правда, на нее иногда посматривали косо: мини-юбка в цветах и высокие кожаные ботфорты не годились для женщины ее возраста, пусть даже она выглядела лет на десять моложе своих лет, а тело ее было вылеплено тренером звезд.

К несчастью для нее, хотя Анни и выпячивала слишком сильно свою гламурность, делавшую ее одной из самых сексуальных женщин в этом ремесле, у нее совсем не хватало мозгов, и она ничего не знала о том, какое прозвище дали ей в редакции: «безмозглая курица». Она и представить себе не могла, что ее принимают за поверхностную женщину: разве она, в конце концов, не большой начальник? Анни была очень высокого мнения о своей работе. Она была скорее не просто журналисткой, сколько военным корреспондентом, она могла легко доказать вам это в перерыве между взбитым мартини в баре отеля «*Риц*» и ужином для VIP-персон в «*Плаза*».

Вся проблема заключалась, она это понимала, в зависти. Это астрономическое количество косметики и духов лучших фирм-производителей, получаемых в изобилии одним человеком, вполне могли вызвать зависть. Именно поэтому она присматривала за своими товарами, как волчица за волчатами. На самом деле она едва глядела на них, когда помощница выкладывала их на ее стол. Она оставляла их там на всеобщее обозрение в течение всей второй половины дня рядом с присланными в знак благодарности многочисленными букетами цветов. Их

она тоже коллекционировала. Иногда в ее кабинете невозможно было дышать от царившей в нем смеси ароматов, но не могло быть и речи о том, чтобы она раздала эти знаки признательности другим работникам редакции: она предпочла бы умереть от астмы, нежели отдать кому бы то ни было хотя бы один цветок из этих букетов, символизировавших силу ее власти!

Каждый четверг вечером она озадачивалась вопросом, как бы лучше сложить все товары в багажник ее «смарта». И постоянно думала о том, чтобы поменять машину. Конечно, «смайт» делал ее моложе и моднее. Особенно она ценила эту машину летом, когда колесила на ней по узким парижским улочкам, нацепив на нос черные очки, накрасив губы вишневой перламутровой помадой «Ланком», выставив стройные загорелые ноги на обозрение мачо, ездивших на джипах-внедорожниках, и мотоциклистов, видя, как за стеклом касок горели их устремленные на нее взгляды. Но, честно говоря, места в машине было мало. Тем более что она констатировала, что в последнее время количество посылок значительно выросло. Чем больше было образцов продукции, тем большее удовольствие она получала, но все острее становилась проблема их перевозки. Анни казалось, что она нашла решение: надо было купить себе другую машину, более вместительную, предназначенную исключительно для перевозки ее еженедельных трофеев. Как глупо, что она не подумала об этом раньше! Не говоря уже о том, что у нее было два места на стоянке: одно в доме, где она жила, другое – у редакции газеты.

Эти глубокомысленные размышления были прерваны последним строптивым пакетом, до отказа набитым кремами для загара. Ей никак не удавалось положить его в машину. Наклонившись на своих высоких каблуках, она стала издавать отчаянные ругательства, стараясь положить пакет на гору других пакетов. Когда это получилось, то оказалось, что пакет полностью загородил обзор заднего стекла машины. Желать было нечего, последний пакет класть было некуда. Но не в привычках Анни было бросать приобретенное. Она быстро сняла туфли, задрала подол платья и взобралась на горку пакетов, которая едва не опрокинулась на асфальт. Усевшись всем весом на пакеты, она старалась примять поклажу до тех пор, пока какой-то треск не заставил вздрогнуть ее сердце. Она немедленно слезла с багажника и с отчаянием определила, что лопнул один тюбик с мазью от целлюлита. Ее короткое черное платье было забрызгано средством для похудения, но больше всего ее потрясло состояние совсем нового тюбика. Именно его, она это прекрасно помнила, доставили к ней утром! Придя в ярость, она снова надела обувь, ударила ногой по заднему правому колесу. Это ничуть не помогло в решении вставшей перед ней проблемы, но принесло некоторое облегчение.

Анни уже заполнила все свободное пространство впереди и напрасно ломала голову, рассматривая проблему со всех сторон: ей ни за что не удастся засунуть этот проклятый пакет в свою маленькую машинку! Тогда она закрыла дверцы и вернулась в свой кабинет, чтобы положить эти изделия в кладовку. Тем хуже, она вернется за ними утром, делать нечего.

И все же она была этим расстроена. Привела в порядок комнату, предназначенную для хранения своих богатств. Часть ночи она провела за тем, что разбирала флаконы: некоторым из них суждено было попасть в коробку, предназначенную для умасливания няньки, сторожихи, учителей в школе ее девочек. Другие были отложены до поездки в Бретань, где у нее с бывшим мужем была красивая вилла, на которой они в течение года жили поочередно. Некоторые изделия были предназначены для продажи через Интернет, кое-что предназначалось подругам и членам семьи. Наконец, были и те, из числа «избранных», произведенных очень маленькими сериями, что должны были стоять на виду на этажерках в просторной ванной, буквально забитой косметическими средствами. Их было многовато для одной женщины, как отмечали иногда друзья и гости на ее ужинах для избранных. У нее дома продукция косметических фирм была неотъемлемой частью оформления помещения: когда она показывала свою квартиру гостям, ящики и этажерки становились такими же достопримечательностями, как салон или спальня.

Ее шаги громко раздались на площадке лестницы паркинга. Тяжело дыша, она кое-как доволокла пакет до лифта и, нетерпеливо постукивая ногой, стала ждать, когда перед ней соиз-

волят открыться дверцы кабины. Нажав на кнопку четвертого этажа, она вспомнила о художественном директоре, в надежде на то, что тому не взбредет в голову глупая мысль заскочить в свой кабинет, пропахший стариком и потом, запах которого не удавалось подавить с помощью дешевого дезодоранта.

Когда дверцы лифта распахнулись, она высунула голову: не было слышно ни единого шума. Отсутствие света в коридоре, тяжелые шаги под весом астрономического количества тюбиков с кремом для загара, взгляды, бросаемые назад через плечо, превращали эту маленькую женщину в некую беспокойную тень. Ее легко можно было принять за грабителя банков, решившего тайно припрятать свою добычу. Звон ее же собственных ключей заставил ее вздрогнуть, она почувствовала себя намного увереннее, когда ей удалось открыть дверь кладовки и включить фонарик в этом темном закутке площадью не более трех квадратных метров. И сразу же запахи парфюмерии окутали ее, а вид всех этих тюбиков, флаконов и бутылочек вызвал у нее улыбку. Она поискала глазами свободное укромное место, куда можно было бы поставить пакет. Такое местечко она нашла в квадрате в глубине, в самом конце клетушки в виде буквы L. С того места, где Анни находилась, она не могла видеть коридор и, следовательно, человека, который в этот момент закрывал за собой дверь и не мог предположить того, что она стояла на коленях в укромном месте. Охранник даже не удосужился взглянуть через порог: он решил, что секретарша, очевидно, забыла закрыть кладовку. Да и кому могло в голову прийти рыться в шкафу в столь поздний час?

Услышав звук проворачиваемого в замочной скважине ключа, Анни от неожиданности икнула. Однако неудобство положения, в котором она находилась, еще не пришло ей в голову, и она даже почувствовала нечто вроде облегчения, когда, прислушавшись, убедилась, что больше никто не бродил рядом с ее пещерой Али-Бабы. А то, что она оказалась запертой среди ночи посреди стеллажей с косметикой, не показалось ей катастрофой. И только после того, как пакет был уложен на место, она задалась вопросом, как можно было оттуда выбраться.

Как же глупо она поступила, оставив связку ключей в замке! И какой кретин ее запер? Теперь она не может отсюда выйти. Поскольку ничего не оставалось, кроме как звать на помощь, Анни начала кричать тонким голоском: «Эй! О!.. Уу!.. Кто-нибудь!» Поскольку ее голос не мог преодолеть стеллаж с кремами для снятия косметики, она решила повысить тон и принялась вопить, требуя освободить ее и угрожая суровым наказанием. Увы! Охранник закончил обход здания, а столь ненавистный ей художественный директор ушел напиться в ближайшем бистро. Анни буквально редела, испуская простые, но доходчивые ругательства: «Что за сволочь этот тип, я вышвырну этого бездельника с работы к чертовой матери! Кстати, когда он откроет дверь, я залеплю ему такую пощечину, которую он до конца жизни не забудет!» Но она напрасно возбуждала себя, сидя в этом закутке. Упомянутый страж уже хрустел сэндвичем с мясом индейки и с майонезом, следя за началом футбольного матча по своему маленькому телевизору. Он был уверен в том, что в течение девяноста минут не выйдет из своей комнаты, разве только в перерыве сходит в туалет, чтобы освободиться от пива (разумеется, безалкогольного: он ведь на службе!), которое выпьет по ходу трансляции матча.

Анни решила терпеливо отнестись к своей участи и проверить, все ли хорошо уложено. В конце концов, именно на это у нее никогда не хватало времени. Перевернув все, что ее помощница уложила в определенном порядке, она решила, что шутка слишком затянулась. Она не знала, который был час, поскольку ее часы остались в сумочке, которую она сама положила в машину: ведь расчет был на то, что она быстро сходит туда-обратно!

Внезапно потеряв терпение, Анни сняла с ноги туфлю (не станет же она рисковать ногтями) и начала стучать каблуком в дверь: «Да откройте же дверь наконец-то!»

Не было ни малейшего шанса на то, чтобы в холле было слышно что-нибудь, раздававшееся с четвертого этажа. Тем более что марсельский «Олимпик» только что повел в счете благодаря Сисе, забившему гол головой. Страж, бывший в душе марсельцем, прибавил звук,

чтобы тоже принять участие в празднике. Анни этого не знала. Она приложила ухо к темной перегородке, в которой от ударов тонким каблуком появились маленькие дырки. Ничего! Этого идиотского сторожа поблизости не было.

Тут она вдруг поняла, до чего же ее желудок был пуст, и стала жадно искать плитку сухой каши или какой-нибудь тонизирующий напиток, которые она получила для вдохновения ее рубрики «Уют». На стеллаже, позади кремов от морщин, она нашла бутылку смородинового сока без сахара и пачку печенья с инжиром. Анни набросилась на пищу с жадностью, слишком обрадованная находкой, чтобы думать о воздержании. Это также позволяло ей убить время в этом месте, которое совсем недавно было ее любимым уголком в этой редакции, охраняемой дураками!

Оказавшись взаперти в этом ограниченном пространстве, она позабыла о своих хороших манерах и принялась зубами вскрывать фольгу пакета с печеньями. Жадным жестом она сунула в рот первое печенье, быстро его разжевала и проглотила, а потом ногтем мизинца выковыряла крошки, застрявшие между ее ровными зубами. И только когда все было выпито и съедено, она поднялась с покрытого паласом пола, на котором она сидела в костюме, задрав юбку до самых резинок трусиков.

Она еще раз, без особой надежды, постучала кулаками в дверь, выкрикивая при этом во всю глотку ругательства, достойные лексикона правящего диктатора. Потом у нее случился небольшой нервный срыв. Она уселась на пляжную сумку, набитую мазями для загара. По ее розовым щекам, умело накаченным ботоксом, потекли слезы.

Она не заметила, как задремала, но когда снова открыла глаза, во рту у нее было сухо, а голова болела. К счастью для ее и без того сильно подорванного состояния духа, она не знала, что пропустила во время этого короткого сна очередной обход помещений охранником, и понятия не имела, который был час. До прихода уборщиц у нее оставались добрые три часа. Она медленно поднялась на ноги, нашла на стеллажах пудреницу и попыталась, подчиняясь вековым традициям предков, привести в порядок лицо при слабом освещении. Комичность положения ей не приходила в голову, она просто воскликнула «о!» от неожиданности, увидев свое лицо с размазанной губной помадой и поплывшей тушью для ресниц. Кое-как примостившись на коробке с нижним бельем, она представила себя в своей ванной: сняла косметику, нанесла новую, причесалась, подушилась. Все было под рукой, и она сделала все, чтобы вновь обрести человеческую красоту. Разве не следовало оставаться красивой в любой ситуации и тем самым поразить того, кто утром откроет эту дверь?

Став другим человеком, мирно сидя в этом парфюмерном уголке, она стала терпеливо дожидаться, когда же раздадутся звуки шагов или голоса. Когда наступил этот долгожданный момент, она была почти спокойной. Желая показать умение владеть собой, тихонько постучала в дверь кладовой и крикнула живому существу, проходившему по коридору: «Пожалуйста! Не могли бы вы отрыть дверь?» Когда какая-то молодая женщина, с косынкой на голове и с флаконом для мытья стекол в руке наконец освободила Анни, та едва сдержалась, чтобы не броситься в ее объятия. Уборщица от удивления посмотрела на нее широко раскрытыми глазами. На что Анни ответила: «Вчера вечером меня запер здесь охранник. Но, поверьте, он никогда больше не будет закрывать двери в этой газете!» Слегка покачиваясь, она направилась в туалет, забрав предварительно связку лежавших на ксероксе ключей.

Все тело ныло, настроение было отвратное. Она спустилась к своей машине и упала на сиденье водителя. Посмотрев в зеркало заднего вида, она заметила сложенную ею накануне горку пакетов с косметикой. Она этому была бы рада, если бы не предстояло с трудом поднимать все это в квартиру. Нельзя же было выставлять свою добычу на обозрение прохожих. Часы пробили половину восьмого. Анни оставила послание своей секретарше: на собрание она не придет из-за встречи, а в редакции появится к полудню. Ей хотелось только одного: спать!

* * *

Едва закрыв дверь и положив пакеты прямо на пол у порога, Анни испустила глубокий вздох облегчения. Вздох был действительно глубоким, словно ей удалось освободиться из плена кровожадной солдатни. Анни была мелкой натурой. Вся ее жизнь крутилась вокруг ее пупка. Сидя с выпрямленной спиной на своем клубном канapé, она несколько минут смотрела в пустоту, вспоминая об ужасной ночи, проведенной в кладовой – хорошо еще, что дочери были у их отца! – потом продумала детали скандала, который она собиралась устроить людям из общего отдела. Она улыbnулась. Мысль о том, как она накричит на охранника и добьется его увольнения (апофеоз мести!), ободрила ее. Она поднялась и пошла в ванную. Занятая этими сладкими мыслями, она услышала, как зазвонил телефон. Не обращая никакого внимания на настойчивые звонки, она разделась и сбросила всю одежду в корзину для грязного белья. А потом встала под горячую воду. Спустя четверть часа она вышла из душевой кабины и прислушалась: теперь уже мобильный телефон издавал свои противные «бип». Она знала, что, если не примет сообщение, звонки не прекратятся. Овернув тело махровым полотенцем цвета карамели, она подошла к своей сумочке и достала оттуда мобильный телефон.

Не поднося его близко к уху (кажется, волны вредны для кожи), Анни с некоторым огорчением выслушала свою помощницу. Та позвонила для того, чтобы сообщить, что встреча с главным редактором должна была состояться ровно в половине двенадцатого, что перенести ее никак невозможно. У Сильвии был запланирован важный обед. Анни поморщилась и посмотрела на красивые настенные часы со старинными цифрами на циферблате, висевшие над дверью кухни. Они показывали 8 часов 50 минут: нельзя было терять время, надо было скорее лечь в постель и отложить на потом заботу о ноющем теле. Нежность белых простыней дала ей драгоценный комфорт, и она заснула, как новорожденная на руках у матери.

Когда будильник объявил, что было уже половина одиннадцатого, встать с постели ей было очень трудно. В полусонном состоянии она прошла в ванную и вымыла холодной водой свое помятое лицо. Быстро, но не без старания, наложила косметику, причесалась, надела белые брюки и кофту в полоску. Ее внешний вид отдыхающей в Довиле внушил ей, что к ней вернулась некая свежесть.

Она теперь не помнила, что именно надо было обсудить на встрече с главным редактором, но это ее не волновало. В любом случае, она была не из тех, кто прекословит начальству. Анни старалась всячески избегать конфликтов. Скорее даже предпочитала лизать сапоги своим начальникам. Да, у Анни были все качества, необходимые для хорошего руководителя службы. Будь то решение какой-нибудь проблемы, мозговой штурм относительно летних тем, даже нагоняй, – она во всем была согласна с Сильвией Тетье. Лучшего способа делать карьеру она не придумала. Благословенное «да-да» ценилось выше, чем возражения. Что касалось ее, то единственными людьми, с которыми она ссорилась, были пресс-атташе и ее муж. Тот до такой степени не мог ее выносить, что предпочел уехать за границу. В Лондоне он мог свободно дышать. Стоило ему ступить на французскую землю, как его начинало тошнить. Анни доводила его до состояния болезни. Именно поэтому он проводил с дочерьми – десятилетней Синтией и тринадцатилетней Матильдой – работу по «дезаннизации» всякий раз, когда они его навещали. Походившие, как две капли воды, на его бывшую жену, при выходе из вагона «Евростар» девочки проходили курс дезинтоксикации, и папа очень ими гордился.

По возвращении в здание «*Citi Star*» Анни решительным шагом прошла в свой кабинет, всем своим видом показывая, что не советует никому к ней приближаться. На ее огромном столе из светлого дерева стоял букет лилий. Телефон мигал, показывая наличие сообщений, иконка электронной почты высвечивала маленький конверт, означая, что ее кто-то ждал. Руководительница службы косметики крупного популярного журнала обожала, когда она была

нужна людям, и тем самым убедила себя в том, что профессия, с большой «П», очень в ней нуждалась. Не проходило ни дня без того, чтобы какой-нибудь руководитель службы общественных связей косметической фирмы не умолял ее о включении в следующий обзор пляжных сумок продукцию их фирмы. Не проходило и часа, чтобы она не получала послание с просьбой высказать свое мнение относительно какого-нибудь продукта, содержания какой-нибудь статьи, выезда прессы на массаж в какой-нибудь шикарный SPA на другом конце света. Она была женщиной, имевшей вес в средствах массовой информации, без нее невозможно было обойтись. А что делать? Она принялась разбирать свою почту, когда вошла ее секретарша Мариет с охапкой косметики в руках и напомнила о совещании.

– И какова же тема совещания? – спросила Анни, не утруждаясь поднять голову от стопки папок с прессой.

– Оно записано в ваше расписание две недели тому назад, – с удивлением ответила Мариет.

– Это очень интересно, но вы не ответили на мой вопрос, – произнесла руководительница службы косметики.

Мариет выдержала удар – она уже привыкла к этим презрительным замечаниям – и сформулировала тему совещания:

– Работа женского направления.

– И что это означает? – переспросила Анни, продолжая читать электронные послания.

– Это означает пересмотр организации вашей службы, – ответила Мариет, расставляя образцы косметики на специально предусмотренных для этого стеллажах.

– Обращаю ваше внимание на то, что я не являюсь руководителем всего женского направления! – внезапно взорвалась Анни, соизволив на этот раз взглянуть наконец на секретаршу. – Тема этого совещания касается скорее направления моды, чем меня. Не понимаю, для чего меня туда пригласили. Ну что ж, если я должна высказать свое мнение...

– Оно полностью совпадет с мнением Сильвии, разумеется, – подхватила раздраженно Мариет, открывая дверь кабинета.

– Эй! – остановила ее Анни. – Не думаю, что я нуждаюсь в ваших комментариях, дорогая Мариет. Скажите-ка, я полагала, что совещание начнется ровно в одиннадцать тридцать. А теперь который час? Уже четверть первого!

– Совещание немного задерживается, но скоро начнется.

– Благодарю вас за то, что вы так меня подгоняли! Я могла бы приехать к полудню, как обещала...

– Действительно, это было бы неплохо, – закончила Мариет, выходя из кабинета.

Она почувствовала, как ее пронзает злой взгляд Анни, но при этом была уверена в том, что та не могла услышать ее произнесенные со злостью шепотом слова: «Чтобы ты сдохла, старая карга!»

* * *

Совещание, намеченное изначально на 11.30 и начавшееся в итоге в 12.40, было более бурным, чем ожидалось, и Анни несколько раз едва сдержалась, чтобы не назвать руководительницу службы моды «грязной потаскухой». Но было удивительно, что Сильвия явно все больше склонялась на сторону Астрид, чем поддерживала Анни. Поэтому Анни, как обычно, успокоилась и постаралась отбиться от нападков, не подавая виду, что была задета за живое. Гвоздем этого совещания стала фраза, произнесенная Астрид в адрес Анни: «Я задаю себе вопрос: как ты можешь руководить своей службой, когда ты постоянно посещаешь институты красоты или опробуешь косметические средства на Карибах?» Анни едва не поперхнулась галетой, и только застрявшая к горле крошка помешала ей ответить. Сильвия быстро подхва-

тила эту мысль: «Действительно, мне кажется, что твои сотрудники хотели бы чаще видеть тебя в твоём кабинете. В конце концов, ведь именно редакторы должны тестировать продукцию, не так ли?»

У Анни не было времени для ответа, поскольку в кабинет вошла секретарша главного редактора и напомнила ей о том, что у нее была запланирована важная встреча за обедом. Поэтому Сильвия закончила совещание: «Очень хорошо, сударыни, советую вам подумать над тем, что мы сегодня обсудили. И сделайте, пожалуйста, ваши разделы более актуальными. А теперь желаю вам доброго дня!» Легкая усмешка Астрид не ускользнула от внимания Анни, и она поклялась себе отомстить коллеге за это оскорбление. Теперь и вопроса быть не могло о том, чтобы дать ей хоть один образец косметики: лучше она отдаст их своей команде. Вернувшись в свой кабинет, она провела указательным пальцем по горлу: «Куик: больше ни тюбика!» Она считала лишение поставок косметических средств высшей мерой наказания.

* * *

Углубившись в написание электронного послания некоему рекламодателю, которого она гладила по шерстке словами «великолепный», «волшебный», «самый наигламурнейший», Анни не сразу услышала стук в дверь. И только когда он стал раздаваться все настойчивее, она воскликнула несколько неприветливо: «Что еще?» И увидела, как в приоткрытую дверь просунулась маленькая головка ее заместительницы:

– Брижит! В чем дело? Я же занята, разве мне в этой конторе не могут дать время поработать?

– О, у вас было трудное утро! – воскликнула Брижит, явно озабоченная настроением своей начальницы.

– Скажем так: утро и даже ночь не принесли мне ни минуты покоя. Но это не важно! Что случилось такого, что не может подождать, пока я не вернусь после обеда? Хотя Тео отказался от встречи по веским причинам, связанным с его новой коллекцией... А у вас есть какие-нибудь планы, Брижит?

– Вообще-то да, я...

– Вот и отлично! Ступайте быстренько накиньте пальто, я беру вас с собой, и мы все обсудим по дороге.

Заместительница руководителя службы косметики, застыв неподвижно посреди кабинета, не нашла в себе сил возразить этому бульдозеру, который всегда старался все решить за нее.

– В чем дело, Брижит, ступайте же, я вас жду!

Одной из маний Анни было навязывание своего присутствия подчиненным в обеденные перерывы. Когда ей было не с кем пообедать, она выбирала какого-нибудь голубка, который должен был составить ей компанию. Сотруднику или сотруднице надо было быть очень ловким, чтобы суметь отклонить такое приглашение. Около часа дня, когда она начинала болтаться по коридору, в кабинетах начиналась паника. Одни старались поскорее скрыться, другие прятались по углам, третьи громко заявляли о том, что они через четверть часа должны были посетить зубного врача, стараясь упредить возможное приглашение. Потому что когда Анни находила себе жертву, из рук она ее не выпускала.

Брижит вынуждена была отменить свой сеанс йоги и забыть про салат в холодильнике, чтобы последовать за Анни, намного более говорливой, чем обычно. Сидя перед каким-то блюдом японской кухни, она чувствовала себя не в своей тарелке, но начальница делала вид, что не замечала этого. Она все говорила и говорила, но Брижит это совсем не нравилось. Что стояло за этим неиссякаемым красноречием? Брижит смогла наконец вставить слово в тот момент, когда ей показалось, что Анни была на последнем издыхании.

– С вами все в порядке, Анни? Нет, просто мне показалось, что сегодня вы чем-то взволнованы...

– Вы мне поверите, если я скажу вам, что сегодняшнюю ночь я провела в кладовке, хрустя печеньками и запивая их смородиновым соком?

Увидев недоумение на лице Брижит, Анни продолжила:

– Нет, не верите? Ну ладно, больше об этом не будем. Скажем так: у меня была скверная ночь, и теперь единственное, что сможет вернуть мне радость жизни, это вечер в «Премиуме», на котором я намерена блистать.

– Вы тоже там будете? – спросила Брижит, даже не подозревая о том, что своим вопросом подлила масла в огонь.

– Что значит «вы тоже»?

– Просто я знаю, что туда была приглашена Эрика, и там будет также Эрик... Сильвия тоже была приглашена, но отказалась, поскольку не любит подобные вечеринки, и...

Анни резко оборвала ее:

– А! Шлюха и голубой! Что за великолепный подбор приглашенных! Серра следовало бы пересмотреть список гостей, иначе он тоже станет *бывший*. Кто будет там еще?

– Полагаю, больше никого. От «*Star City*» вас будет трое.

– Брижит, будьте любезны, не ставьте меня на одну доску с этими двумя идиотами. Напоминаю вам, что я выше их по положению. Эрика годится только на то, чтобы крутить задом на вечеринках, а Эрик – всего лишь жалкий стилист, взявшийся неизвестно откуда!

– Но он все-таки руководитель службы моды...

– Нет, этой службой руководит Астрид! Кстати говоря, паршивая девка!

– Это не совсем так: Астрид руководит департаментом аксессуаров, но...

– Хватит, не собираетесь же вы до конца обеда рассказывать мне организационную структуру газеты? Но почему сегодня все эти люди выступают против меня?

– Я вовсе не против вас, но...

– Ладно, все в порядке, заканчивайте с вашими суши. В любом случае, я больше не голодна!

* * *

Таким образом, обед завершился в странной обстановке, возвращение в редакцию прошло в том же ключе: Анни не произнесла ни слова до самой двери своего кабинета, а войдя в него, резко хлопнула дверью.

– Предупреждаю вас, – сказала измотанная Брижит своим подругам, рухнув в кресло, – не подходите к «безмозглой курице». Сегодня она клюется!

Действительно, Анни была не в духе. Положив голову на оба кулака, она попыталась было вызвать хотя бы небольшой прилив положительной энергии. Поскольку сделать ей это не удалось, она решила отправиться к своему парикмахеру, чтобы сделать одну из тех великолепных укладок, которые уже неоднократно спасали ей жизнь.

– Меня не будет на месте примерно час, Мариет. У меня важная встреча! – сказала она, пролетев, как порыв ветра, мимо кабинета своей помощницы.

На что Мариет сказала, обращаясь к своим коллегам-секретаршам:

– Держу пари, что встреча намечена со щеткой для волос и лаком! Кто хочет поспорить?

– Нет уж, спасибо, – ответила одна из секретарш, – ты с этим пари выигрывала у нас уже больше десятка раз...

– Эта женщина настолько предсказуема, что складывается впечатление, что ты можешь предсказывать будущее! – добавила другая.

– Скажи лучше, что она настолько любит себя, что парикмахер стал ее лучшим другом! Можешь ли ты сказать мне, что она тут делает, помимо того что она обрабатывает пресс-атташе, чтобы получать от них все больше образцов косметики? – воскликнула третья сплетница. – Кажется, что у нее там, в Бретани, их полон дом! Скажи-ка, зачем ей все это будет нужно, когда она сдохнет?

– Во всяком случае, у служащих похоронного бюро все будет под рукой! Подумай сама: перед последним путешествием ее лицо подкрасят косметикой класса люкс, такое случается у них не каждый день! – со смехом произнесла Мариет.

– Вот как, а я и не знала, что рядом с моим кабинетом расположен курятник! – вскричала Сильвия Тетье, внезапно появившись в просторном помещении, где сидели секретарши редакции.

– Мы тут беседовали, – произнесла, покраснев, Мариет, не смея поднять головы.

– Да что вы говорите! И о чем же? О расчетных листках, о нормах выработки или же о талонах на обед?

Видя, что все подавленно молчат, главный редактор повернулась, чтобы уйти, но перед этим сделала небольшое внушение:

– Спасибо за то, что вы не распространяете разные нехорошие слухи, и еще за то, что вы хорошо относитесь к тем, кто работает с вами. Не забывайте о том, что эта газета является результатом работы команды, это – залог нашего успеха... А вы попросите Анни зайти ко мне сразу же, как она вернется: кажется, что у нее есть новый парикмахер-волшебник!

* * *

Когда ее голова стала предметом всеобщего внимания, Анни наконец успокоилась. Она представила себе, как охранника уволят за нечистоплотность, и приготовилась насладиться этим событием. Для этого она решила выглядеть красивой и сексуальной, и теперь понимала, что благодаря стараниям Тими, своего любимого фигаро, именно так она и выглядела. Если бы вам захотелось спросить у Анни, что она любит больше всего помимо самой себя, она бы без колебаний ответила: «Мои волосы!» Хотя, казалось бы, что в них было особенного? Ничего, но Анни нравились ее гладкие шелковистые волосы каштанового цвета.

Когда зеркало отразило ее безупречный вид, Анни встала и широко улыбнулась Тими, прочитавшему в ее глазах сумму его чаяний:

– Спасибо! Я стала новой женщиной!

Действительно, поведение ее полностью изменилось: Анни стала более уверена в себе, более вызывающая и теперь готовилась стать более жестокой. Она не стала подниматься на этаж редакции, а направилась сразу же к кабинету руководителя общей службы. Не успев даже войти в его кабинет, она услышала, как он резко встал из-за стола и начал выговаривать ей:

– А, вот и вы! Я как раз хотел поговорить с вами! Что вы делали в помещении сегодня ночью? Вы до смерти перепугали уборщицу!

– Вот именно, я хотела бы...

– Вам известно, что всякий сотрудник, остающийся в помещении после 21 часа, должен предупреждать об этом охранника?

– Да, но ваш охранник...

– Мне очень жаль, но я вынужден буду составить об этом случае докладную, у вас из-за этого могут быть неприятности...

– Неприятности? У меня? Постойте, разве это я закрыла дверь кладовки, даже не взглянув, есть ли там кто-то?!

– Вы не должны были находиться в помещении после 21 часа, следовало предупредить об этом охранника, как я только что вам сказал! Вам придется давать объяснения в Дирекции управления персоналом, мадемуазель.

– Мадам! И потом, не понимаю, почему это я должна буду давать какие-то объяснения, раз я находилась в помещениях *моей* службы: у меня вроде бы есть право работать допоздна, не так ли?

– Повторяю: вы должны предупреждать, когда...

– Я поняла, не дура! А вы не думаете, что оплошность совершил некто, кого вы, вероятно, стараетесь выгородить?

– Нельзя ли выразиться точнее, я вас не совсем понимаю, мадемуазель... гм... мадам!

– Ваш охранник не заглянул в кладовую, прежде чем закрыть замок на два оборота, и в этом его вина!

– Э нет, это – неправильное толкование! Вы расскажете об этом в Дирекции управления персоналом. А теперь, дорогая мадам, извините, у меня много работы, я должен разослать всем служащим записки с предупреждением о том, что в помещениях строжайше запрещено оставаться после 21 часа, если сторож не поставлен об этом в известность...

Анни буквально кипела яростью, пока лифт поднимался на этаж, где находился ее кабинет. Она пронеслась мимо Мариет, словно ракета. Секретарша окликнула ее:

– Анни!

– Не сейчас!

– Но Анни, Сильвия хотела бы...

– Я же сказала: «не сейчас»!

Дверь кабинета снова с треском захлопнулась. Анни начала ходить взад-вперед, стараясь подавить свою злость: «Фу! Как я все ненавижу, я ненавижу эту газету и всех тех скотов, которые в ней работают!»

– Ага, вот мы и снова на знакомой тропинке...

Анни вздрогнула и слегка вскрикнула, увидев стоявшую перед ней главную редакторшу.

– Я не слышала, как ты вошла...

– Понимаю... Что случилось? Некоторая неудача при опробовании крема от морщин последнего поколения?

– Я сегодня не в духе, извини, мне не до шуток, у меня был ужасный день, да и ночь ничем не лучше.

– Ясно. Значит, ты собираешься вечером лечь пораньше, выпив чашку супа?

– Нет, до этого я еще, к счастью, не дошла. Меня сегодня вечером пригласили к Филиппу Серра. А этого я пропустить никак не могу.

– Конечно. Значит, в этом причина твоей безупречной прически?

– Да. Тими слегка подрезал кончики волос. Тебе нравится?

– Это я тебе скажу после того, как увижу твои откорректированные страницы о похудении.

– Сегодня вечером? Но верстка намечена на завтра!

– Да, но мне надо сверстать завтра весь шоу-бизнес, и поэтому я хочу, чтобы женские страницы были закончены. Между нами говоря, нет никакого смысла являться к самому началу на такие мероприятия... И потом, Эрик расскажет тебе обо всем, что будет в начале...

Анни упала в кресло и дала себе слово до крови искусать первого, кто осмелится зайти в ее логово.

* * *

Когда наша руководительница службы с безупречной прической вернулась домой, было уже восемь часов вечера. Ей пришлось потрудиться, чтобы успеть вовремя сдать свои страницы, тем более что эти глупые молодые курицы из службы косметики разошлись по домам, не попрощавшись с ней. Конечно, они так поступили, чтобы она не попросила их помочь ей. Вот заразы! Но вечер, который с таким нетерпением ожидала наша Золушка, все-таки наступил. Через час она будет в «Премиуме» разговаривать с самыми известными на данный момент людьми. Это очень волновало Анни, и поэтому она готовилась к отъезду на вечеринку в нервном напряжении. Прежде чем выйти из квартиры, она посмотрелась в последний раз в зеркало у двери: черное облегающее платье щедро показывало ее шелковистую надушенную спину. Тонкие скромные серьги из серебра подчеркивали красоту ее лица с умело наложенной на него косметикой. Помимо туфель, красная шаль и сумочка были мазками краски, делавшими элегантным вечерний наряд женщины. Анни понравилась самой себе. «Вы великолепны, моя дражайшая!» – сказала она своему отражению. Внизу ее уже ожидало такси. «В штаб-квартиру канала „Премиум“, на берегу Сены!» – сказала она таксисту и начала смотреть, как за стеклом проплывал Париж. Она хотела произвести фурор, чтобы Серра пригласил ее еще раз. Но запланировала вернуться домой не позже часа ночи, поскольку для нее именно это время было решающим: оставшись позже намеченного времени, она могла увянуть, как сорванный цветок. Анни была вынуждена это признать: она начала стареть. Для того чтобы соперничать с более молодыми, ей надо было соблюдать строгие правила. Одним из этих правил было никогда и нигде не задерживаться после наступления «часа тыквы». Но к чему было думать об окончании вечеринки, которая обещала стать такой прекрасной? Анни увидела свой взгляд в зеркале заднего вида такси. Она улыбнулась самой себе.

Эрика Лем, соблазнительница звезд

Эрике никогда не нравился рассвет. Открывать веки было для нее, вне всякого сомнения, самым утомительным занятием каждого дня. Она открывала глаза со скоростью большой черепахи, повторяя попытку по нескольку раз, словно ресницы ее были скованы толстым слоем цемента. Когда ей наконец удавалось совершить подвиг по обнажению своих зрачков, она издавала нечто вроде рева медведя, внезапно разбуженного в его берлоге. Если это было в ее власти, она отменила бы процесс пробуждения и телепортировала бы себя сразу же за стол для приема завтрака.

Первым ее действием утром было вовсе не желание поскорее пойти в туалет, как у большинства представительниц ее пола. Один только вид белого керамического унитаза вызывал у нее приступ тошноты. Эрика знала мельчайшие его подробности: над самой поверхностью воды находился скол эмали размером около десяти сантиметров. Чуть дальше унитаз обесцветился в результате воздействия бог знает какого раствора для чистки, вероятно слишком агрессивного для эмали. И наконец, стульчак из резины с устройством для снижения шума имел на левой своей стороне вмятину. Откуда все это было известно Эрике? Дело все было в том, что когда она не садилась на унитаз, то опускала в него лицо, чтобы спустить в канализацию содержимое своего желудка, не очень хорошо переносившего ее злоупотребление алкогольными напитками. Таким образом, туалет вовсе не был тем местом, где она любила посидеть и почитать газету. Напротив, она настолько, насколько только могла, откладывала момент посещения этого места. Самым первым ее движением еще до того, как она отрывала от постели свое хрупкое тело, было хватание бутылки с минеральной водой «Сан Пелегрино», стоявшей на полу рядом с кроватью.

Когда сей газированный напиток начинал течь в ее горло, она испытывала одновременно затруднение и облегчение. Затруднения были связаны с тем, что вода ужасно драла горло, а чувство облегчения появлялось от того, что напиток создавал у нее впечатление, что он смывал с нее все злоупотребления, совершенные ею накануне. После этого она краем глаза смотрела на цифры своего имитатора утра, понимаете под этим будильник. Но отличие этого имитатора от обычного будильника состояло в том, что имитатор не издавал резких звонков, а начинал излучать свет, похожий на солнечный, помогая ей тем самым проснуться без нанесения травмы ее больному мозгу. Обычно в ее спальне свет появлялся около десяти часов утра. Раньше просыпаться она отказывалась. Это было на уровне генетики: она была совой.

У ее родителей был бар в старой части Ниццы. Там люди ели, там они выпивали от полудня до полуночи невероятное количество пива. Все выпивохи квартала с мощенными камнем улочками знали «Ле Пот де Лам». В этом прокуренном заведении со скамейками из красного дерева закругленная стойка бара стояла посреди зала. Бармена от клиентов отделял деревянный прилавок. Вообще-то эта забегаловка называлась «У кувшина дружбы», но она была переименована ночными любителями музыки, ставшими завсегдатаями этого места, столь любимого населением Ниццы.

Эрика там выросла, и очень гордилась тем, что была дочерью хозяина. По словам завсегдатаев, это было неожиданно, на нее всегда смотрели так, словно она выпала из потайного кармана. Необузданная малышка со временем стала соблазнительной девушкой, хотя и страдавшей из-за своего небольшого роста – ей так и не удалось стать выше метра шестидесяти пяти. Но никто ни разу не видел ее без туфель с каблуками в десять сантиметров. Она была блондинкой с волосами средней длины, со стройным телом, с голосом и настроением, напоминавшими наждачную бумагу. Когда кто-то из мужчин на нее натыкался, то его охватывал испуг, что он мог сломать ей ребро или оторвать ей руку, как кукле Барби. Но она на деле очень

крепко стояла на ногах и затмевала молокососок, которые завидовали ее внешности, хотя в конце двадцатого века ей уже перевалило за тридцать.

Самые великие ее сцены позволила ей исполнить парижская жизнь. Приехав в столицу, она отбросила в сторону свой певучий акцент цикады и стала выглядеть намного тенденциозней, чем в те времена, когда она производила фурор на Круазетт. Потому что на Лазурном Берегу не каждый день проходил Каннский фестиваль. Короткие жилетки с крестами из точек, желтые пиджаки и обшитые блестками джинсы произвели там фурор. Среди сморщенных лиц, словно запеченных в печи после многочасового пребывания на пляже без крема и зонта, и крашенных блондинок с белыми, как умывальник, зубами, в топах, не достигающих до пупка, в эластичных кружевах из супермаркета, небрежно высунутых из-под брюк, она так и не нашла своего места на родине Паньоля. Все это было слишком провинциально, слишком убого.

Да, что касалось хороших манер, ей надо было еще поучиться – не принцессой родилась, – но она неплохо устроилась. Именно это она повторяла своему отцу, нервно сжимавшему челюсти всякий раз, когда она уверяла его в том, что предпочитает Эйфелеву башню виду на великое голубое море. Она слишком боялась остаться старой девой в этом старом городе. А он, помня обо всех, кому дочь отказала, давал ей понять, когда она приезжала домой, видя, что та слишком «серьезно» к этому относится. И что в любом случае, что бы ни случилось, она останется дочерью солнца. Возможно, говорила она себе, но ей не на что жаловаться: она делает то, чем всегда хотела заниматься. А если слышала, что кто-то называл ее неудачницей, она соглашалась. Что касалось ее, то она была великолепная неудачница. Она не знала, как долго это сможет продлиться, но она пользовалась этим сполна!

* * *

А пока самой главной ее задачей было оказаться в своем кабинете, преодолев ужасное желание снова лечь в постель, которая открывала перед ней свои объятия. Она не притронулась еще к своим тартинкам с апельсиновым конфитюром, сразу же наклонившись над чашкой черного, очень сладкого кофе. Она не выспалась, но к этому она уже привыкла. Она поплелась в душ, принялась натирать черным мылом все части своего еще не проснувшегося тела до тех пор, пока все предохранители ее мозга снова не пришли в рабочее состояние. Эрике недавно исполнилось тридцать шесть лет, и она решила для себя, что через год она вернется в мир живых. Год для того, чтобы походить на соседку напротив, абсолютную модель.

Когда она в первый раз повстречала ее, то осталась стоять с раскрытым ртом перед той, кого она считала совершенной женщиной. На лестничной площадке она сказала ей:

– Кстати, меня зовут Эрика! Как танкер, что затонул в море...

Девушка улыбнулась, и это освободило нашу героиню от внезапно напавшей на нее робости. И Эрика сразу же продолжила тем же тоном:

– Однако моя жизнь хуже этой катастрофы, поскольку в отличие от этой груды металла не может быть и речи о том, чтобы я достигла дна!

Застигнутая этим врасплох, соседка снова улыбнулась. Но теперь менее дружелюбно, скорее нерешительно. И тогда Эрика осознала, что упустила шанс первой встречи, и глупо спросила, как ее зовут. Та ответила, что зовут ее Лиз, и ушла. С тех пор она тайно за ней наблюдала, как насадка за своими цыплятами. Она намеревалась в скором будущем пригласить ее на ужин. Без изысков: мясо и сыры.

Бегло осмотрев себя в зеркале, Эрика решила, что прекрасно противостоит ходу времени. Ни единой морщины на лице – спасибо, мистер Ботокс, – и ни одна ласковая ладонь в любовном порыве не мяла ее бедра. Естественно, кроме мужских ладоней, пусть даже ладоней было много, а любви мало...

Она очень скоро научилась одеваться так, как того требовало ее лицо женщины-ребенка. Этим утром она сняла с вешалки свои очередные черные брюки – их было достаточно много, из разных тканей и различных фасонов, – натянула их, вприпрыжку добравшись до салона, где взяла свой мобильный телефон. Или, скорее, оба своих мобильника: один для PR, то есть для всех контактов, затрагивавших ее очень обширные связи (журналисты, видные люди, пресс-атташе и другие знакомые), и другой – с личным номером (семья, лучшие подруги – хотя их-то можно было пересчитать по пальцам, – и несколько тщательно отобранных любовников). Не могло быть и речи о том, чтобы забыть эти столь необходимые предметы: она быстро запихнула их в свою кожаную сумочку от «Шанель» и вернулась в спальню, где ее ждала льняная блузка с глубоким декольте, которая при поступлении из первой чистки уже напоминала тряпку. Но ношение помятых вещей было явно в моде. А уж она-то в моде разбиралась! Ведь не зря же она контактировала со всеми модницами столицы: шикарные портманто при обязательном сопровождении баула по последнему писку моды или застиранные джинсы с заплатками, выставленные на самых известных подиумах. Эти девицы были обвешаны логотипами кутюрье подобно тому, как советские маршалы были увешаны колодками с орденами и медалями.

Большинство своих вечеров Эрика проводила, вопя громче оглашающей музыки, в шикарных барах с опен-баром и мини-суши, подававшимися на льду. Если бы кто-нибудь спросил у нее, кем она работала, она ответила бы не моргнув глазом: «Мне платят за то, что я описываю то, как провела прошлую ночь. Я являюсь репортером – или более высокое определение... – журнала „*Citi Star*“. В мире знаменитостей таких журналистов, как я, называют светскими львицами; понимаете, девушки, ведущие ночной образ жизни, знающие знаменитостей со всех сторон, особенно с той стороны, что находится ниже пояса».

Впрочем, Эрика ничуть не стыдилась того, что любила VIP, и охотно признавала свою предрасположенность к злоупотреблениям: она должна была знать мир шоу-бизнеса очень близко и изнутри, и она отдавалась этому полностью, безо всяких ограничений. Можно было даже сказать, что она работала над этим и сверхурочно. Ее послужной список заканчивался на первом слоге, и, следует сказать, ей на это было наплевать. «Обо мне в редакции говорят, что я занимаюсь всем чем угодно, кроме журналистики, и я полностью с этим согласна», – говорила она насмешливым барменам в свои горячие ночи. Говорили также, что она разговаривает как потаскуха: это был ее фирменный стиль. Коллеги-женщины осуждали ее, но не выпускали из поля зрения, когда она во время вечеринок вела себя вызывающе, становилась очень сексуальной и прикрывала отсутствие вкуса избранной мишурой. Тогда эта ночная хищница начинала действовать. Ее ареалом обитания была парижская клубная жизнь. Она охотилась на своей территории, и если когда и становилась добычей сама, то со знанием дела.

Однако Эрике начала уже надоедать вся эта фауна, казавшаяся более поверхностной, чем она, и жившая в мирке, который постепенно отдалялся от ее мира. Даже несмотря на то, что ей и в голову не приходило вернуться и писать что-то для газеты «*Нис-матэн*», она решила для себя, когда ей исполнилось тридцать шесть лет, что она уже узнала мир знаменитостей, что годы проходили мимо, что ей надо поскорее найти, где пряталось столь желанная ею другая жизнь, поскольку иначе у нее могли случиться серьезные осложнения на уровне сознания и подсознания. К этому выводу она пришла не сама, ей помог ее психоаналитик, бравший по сто евро за сеанс в течение целого года и проводивший два получасовых сеанса в неделю. То есть в сумме он помог ей за 10 000 евро. Сумма была серьезной, но теперь она знала, чего именно ей больше не хотелось: опускать голову в белый унитаз. Ей хотелось заниматься тем, чем занимаются нормальные люди: ночью спать, а днем работать.

* * *

Редакция была полна людей. Эрика была единственной, кому разрешалось приходить на работу перед обеденным перерывом. Ее коллеги в большинстве своем являлись на службу часам к десяти утра. До этого времени коридоры были пустыми, компьютеры не работали. Планета знаменитостей просыпалась поздно. Сплетни должны были подождать, пока каждая – очень редко каждый – выпьет чашку своего цейлонского чая или сомалийского кофе, проболтав добрых полчаса. Это называлось процессом приобщения к реальности: надо было поговорить о реальной жизни, прежде чем приступить к жизни своих звездных подруг, опуститься на землю перед взлетом в высшие сферы. Для Эрики этот момент оказался спасительным. Она перехватила на ходу свою подружку из фотослужбы и увела ее в кафетерий! Как в бистро во время аперитива, она расположилась у маленькой стойки и стала рассказывать приятельнице о своих последних часах, проведенных с Очень Важными Персонами (VIP). В то утро Эрика, даже не успев смочить губы своим кофе-эспрессо, сразу же начала свой рассказ:

– Ты видела первую страницу *«Журнала Папарацци»*? Там Маноло с какой-то блондинкой! Представляешь себе, этот тип, выставляющий себя отцом семейства, влюбленный в свою жену вот уже десять лет и блаблабла... трахается со всеми подряд. Мне аж дурно! Но теперь все изменится, вот увидишь, первая ракетка мира развелся с женой и теперь пойдет в разгул! А раньше к этому парню и подступиться было невозможно! Он мог позабавиться с какой-нибудь блондинкой в душевой раздевалок Ролан Гаррос, поскольку рядом не было ни единого папарацци. А теперь, гляди-ка, они взялись за дело, и он оказался на первой странице скандалов. Теперь, сама знаешь, эта Каро хочет выбросить свое обручальное кольцо! Она не против того, что ей наставляют рога, но не желает, чтобы все об этом знали! И потом, кажется, что молоденькая подружка этого дебила находится на третьем месяце беременности. Представляешь, каково Каро? У нее все лицо в прыщах, кажется, это от нервов... Ну, скажи, Пат, ты все еще продолжаешь восхищаться этим проходимцем?

– Боф, он не хуже остальных...

– Да нет же, хуже! Он совершенно заторможенный, говорю тебе это со знанием дела: я этого короля мячика протестировала, у него совсем нет мозгов под бейсболкой! Помню, он увез меня в отель, чтобы сыграть сетбол и матчбол... Когда все закончилось, я ему сказала: «Итак, я выхожу первой, а ты спускаешься спустя пять минут». Я же не хотела, чтобы меня засняли с ним, ведь нельзя же журналистке трахаться с парнем, о котором она пишет, правда? Это было бы все равно что переспать со своим психоаналитиком...

– А что, ты, вероятно, уже так и сделала? – воскликнула подружка, выкатив глаза.

– Да, но все равно я поступила неправильно. И потом, мои родители на дух не выносят этого Маноло, я же не могла их огорчить...

– Ну ладно, выкладывай! – нетерпеливо произнесла Пат, отхлебнув своего кофе со сливками.

– О'кей. Не успела я выйти из отеля, как он оказался позади меня. Я услышала, как он кричал мне голосом перевозбужденного орангутанга: «Эй, ангел мой!» Я стала оглядываться вокруг, сделав вид, что не заметила рядом самого известного теннисиста планеты... А швейцар специально стал тянуть время, чтобы дать фотографам возможность нас снять... Говорю тебе, это парень – ненормальный!

– Может быть, ему на все это наплевать, – заметила Пат. – В конце концов, если его жена обо всем знает...

– Вряд ли, уж он-то свою Каро знает: ей бы не понравился публичный скандал! В доказательство этому мсье был сфотографирован в тот момент, когда запустил руку в трусики, а

мадам срывает пломбы! Мне кажется, что она ревела в тот день, когда увидела мужа Стефании со стриптизершей:

она решила для себя, что и у нее дело закончится тем же. Ладно, но те фото были менее откровенными: два снимка перед домом, но всем все стало ясно... Кроме него, вероятно, поскольку мозгов у него совершенно нет!

– Ну, а в постели-то он, надеюсь, не плох? – коварно спросила Патрисия.

– Ба, к счастью – да, потому что разговор ограничивался испусканием звуков!

– Не знаю, смогу ли я переспать с таким парнем. О чем вы с ним говорили?

– Да зачем что-то говорить? Слушай, опустишься на землю, дорогая, ты выходишь замуж не за мужчину, а за спортсмена, который большую часть своей жизни разговаривал со своей ракеткой, а не отвечал на вопросы экзаменатора.

– Все равно, переспать с ним было интересно?

– Не более чем с каким-нибудь ведущим телепрограммы или с рэп-певцом... Это несколько улучшает список твоих сексуальных побед.

– Насколько же твои постельные истории интереснее историй девиц на фотографиях: более классических не бывает!

Эрика не успела закончить свой кофе и уж тем более свой разговор, поскольку ее позвали из конца коридора. Она оглянулась и увидела секретаршу главной редакторши, которая делала ей знаки рукой. Соскочив со своего табурета, она ушла, не забыв предупредить подругу:

– Я тебе еще не рассказала о вчерашней ночи! Потом загляну к тебе...

Проводив ее до кабинета Сильвии Тетье, секретарша шепнула ей на ухо:

– Она тебя ждет, готова поспорить, что у тебя сейчас будет праздник!

Эрика ответила:

– Спасибо за поддержку!

Перед тем как открыть дверь кабинета начальницы, она сделала глубокий вдох. Хмурое лицо Сильвии не предвещало ничего хорошего.

– Ты снова отличилась, Эрика, но теперь, могу признать, ты превзошла себя...

Сильвия внимательно просматривала оригинал-макет и не удосужилась поднять голову.

– Это загадка или ребус? – неуверенно произнесла Эрика.

– На твоём месте я не стала бы шутить. Можешь ли ты мне сказать, что ты делала вчера вечером?

– Я была на приеме в редакции радиостанции SFR, можно будет сделать из этого замечательный разворот, там были все.

– А потом? Часа в два ночи? Ты вернулась домой спать со своими плюшевыми игрушками или было продолжение?

– Не понимаю.

– Сейчас я освежу тебе память. Посмотри в эту лупу и скажи, пожалуйста, что ты видишь на этих снимках?

Эрика наклонилась над фотографиями, которые пододвинула к ней Сильвия:

– Зут, мы его не заметили. Мы осмотрелись, однако...

– Это точно, вид у вас необычайно осторожный. Не могла бы ты мне напомнить, кто был помещен у нас на первой странице на прошлой неделе?

– Кристоф Миллер.

– С кем?

– С Рашель, как мне кажется.

– Хорошо. А кто такая Рашель?

– Её будущая жена.

– А кто на этих снимках целует тебя в ухо?

– Согласна.

– Нет, прошу, скажи: кто целует тебя в ухо?

– Миллер.

– Bravo! А это, случайно, не создает некоторую проблему для журнала?

– О, послушай, все и так прекрасно знают, что эти парни с телевидения не отличаются верностью...

– И что в светских журналах всегда печатаются только глупости...

– Нет, он действительно с Рашель, но любит некоторые отступления от правил. В конце концов, читательницы имеют право знать и об этом тоже.

– Потому что тебе пришлось в голову разоблачать неверных звезд? Если так, то иди работать в желтые газетенки напротив, в те, что рассказывают о самых неприглядных историях!

– Да нет же, я звезд очень люблю...

– Настолько сильно, что спишь с ними, мне это известно. Если ты будешь делать это с большей осторожностью, меня это устроит! А если будешь продолжать светиться на снимках в газетах, я тебя уволю!

Эрика почувствовала, что губы ее изобразили широкую улыбку, и на цыпочках вышла из кабинета.

В приемной ее поджидала секретарша с кипой досье в руках.

– Ну как?

– Едва уцелела, – ответила Эрика.

– Ты снова напилась, и это ей донесли?

– Нет, тут другое. Но хвастаться я сейчас этим не буду. Пойду выпью еще чашечку кофе...

Она опять прихватила с собой Пат из фотослужбы и снова увела ее поболтать. У Патриции было много работы, но она не устояла перед искушением послушать подружку: дело пахло керосином, а любопытство победило иконографические изыскания.

– Я по уши в дерьме! – сказала Эрика, войдя в кафетерий.

– Что ей было от тебя нужно?

– Меня сфотографировали в объятиях Миллера.

– Черт побери, ты сошла с ума, мы ведь недавно поместили на первой странице его снимок с невестой!

– Я не знала, что этот чертов папарацци оказался там: это была закрытая вечеринка!

– Ты что, издеваешься надо мной? Ты ведь всех их знаешь как облупленных!

– Обычно в такое время папарацци ложатся спать!

Патрисия внимательно посмотрела на Эрику, стараясь разобраться в этом.

– В чем дело? – заинтригованно спросила ее Эрика.

– Ты об этом знала! И сделала это умышленно: *ты знала*, что они там были, признайся!

– Ты сошла с ума: зачем бы мне это было нужно?

– Не знаю, надеюсь, ты мне это объяснишь...

Эрика рассмеялась. Смех был громким, несколько голов повернулись на его звук.

– Тебя не проведешь! О'кей, я немного этого хотела. Но я полностью забыла про нашу первую страницу, иначе я подождала бы немного.

– Но почему тебе было нужно, чтобы тебя увидели с Миллером?

– Мне надо было оказать услугу Форкари. Миллер выкинул ее с работы, она потеряла много денег, оказывая давление на ее начальство, чтобы то не опубликовало некоторые снимки с его участием.

– Что за снимки?

– Что-то вроде слишком юной девочки, которая не имеет прав водить машину, понимаешь?

– Грязная свинья! И ты думаешь, что эти снимки с тобой будут опубликованы?

– Не знаю, но я для его репутации не так опасна, в суд его не вызовут: я совершеннолетняя и вакцинирована для многих поколений.

– Сейчас начнется совещание фотослужбы, я должна бежать! Пообедаем вместе? Ты еще не все мне рассказала!

– О'кей, пойдем в индийский ресторан. До скорого!

Эрика налила себе третью чашку кофе и, напевая, прошла к себе.

В редакции царила веселая суматоха. Трудлюбивые муравьи с ловкими пальцами склонились над клавиатурами, стараясь не утратить ни единой крохи из того, о чем можно говорить открыто. Все стучало, все двигалось, все работало. Этот зал опенспайс, казалось, был специально создан для девиц, истосковавшихся по болтовне, по смеху и по секретам. Здесь скромность была не в почете, все обо всех все знали, все видели и все слышали. И для Эрики не стало откровением то, что вся команда, начиная с дежурной в приемной редакторов, включая секретарш редакций и заканчивая лифтерами, уже знала об эротическом шоу Эрики и Миллера у двери пожарного выхода самого престижного парижского клуба в два часа ночи.

– Не напрягайтесь, девочки, я знаю, о чем вы говорили, но некрасиво желать это за спиной подруг! – сказала она, обращаясь ко всем.

– Ты все-таки сумасшедшая. Могла бы охладить тело, прежде чем на него набрасываться! Ты не заметила, что совсем недавно мы поместили этого придурка Миллера на первой странице?

Первой выстрелила Фабьен. Вот уже десять лет, как она пользовалась уважением в качестве специалиста по американскому кинематографу, и никто не мог оспорить ее компетентность в данной области. В этом-то и заключалась проблема, поскольку и она сама это знала, и ее шпильки веками оставались острыми. Кроме того, как любая величина большого экрана, она терпеть не могла легкомысленных женщин, особенно Эрику, не вписывавшуюся в периметр Седьмого искусства.

– Спасибо, Фабьен, я умею читать почти так же хорошо, как и ты. Не стоит беспокоиться, я уверена, что это не станет сенсацией для «Репортеров без границ»!

Фабьен пожала плечами, закатила глаза и села, держа спину прямо, как букву «I», перед экраном своего компьютера. Этим жестом она дала всем присутствующим понять, что она была выше всего этого.

– А мне это кажется забавным. Во всяком случае, с тобою не соскучишься.

Лоране, руководившая службой шоу-бизнеса, была, скорее, насмешницей, и ничто ее по настоящему не задевало. Она всех звезд знала наперечет. Именно она как-то сказала: «Если бы не работа, я бы не была ничьей поклонницей». По большому счету, Миллер интересовал ее лишь в той мере, в которой позволил провести изучение биографии его будущей невесты. А верен он ей или нет, это ее вовсе не интересовало, та знаменитая публикация имела место на прошлой неделе, а теперь ее занимало совсем другое. Светская жизнь – это быстропортящийся продукт.

Клемантин, известная репортерша сенсаций – одна из тех, кто сопровождает звезд на Багамы или в Гштаад, – подошла, держа в руках досье с обзором прессы:

– Если бы ты пожелала, то могла бы написать интересное шоу одинокой женщины: это было бы сенсацией! Представь себе: ты рассказала бы, каковы в постели Миллер, Маноло, Дорваль и компания!

– Как, ты и с Дорвалем переспала?

Лоране удивилась, но она, казалось, была единственной, кто этого не знал.

– Очень давно! – ответила Эрика, твердо решив не добавлять ни слова в новую главу, которая явно желала открыться.

Но Жюли колебалась недолго. Высокая, хорошо сложенная брюнетка с четко очерченными округлостями на уровне бедер, с фигурой, которой позавидовала бы королева Иордании

Рания, Жюли была элегантной женщиной двадцати девяти лет и руководила службой знаменитостей, и даже намек на то, что кто-то с кем-то переспал, казался ей столь же неуместным, как если бы ее заставили наблюдать за любовными занятиями свингеров в клубе для взрослых. При всем этом она была похожа на тех детей, которые, зная о том, что ночью им приснится кошмар, если они сядут в призрачный поезд, не могут устоять перед своим желанием. Жюли требовала рассказывать все до мельчайших подробностей и играла с огнем, расспрашивая Эрику. Своим тонким голосом она спросила:

– Но когда же это случилось? Я полагала, что он – серьезный человек. Ведь он же ведет очень острые социальные дебаты...

– А ты что же, полагаешь, что все эти мужики, заботящиеся о себе, являются монахами-бенедиктинцами, что ли?! – ответила ей Лоране.

– Нет, но они должны быть более разумными! – воскликнула Жюли.

Тут в разговор вмешалась Делья, занимавшаяся телевизионными программами на странице культуры. Она произнесла проповедь, достойную любительского кино:

– Какое красивое слово «разумный», но на телевидении оно ничего не значит. Это похоже на содержимое твоих карманов, когда тебя доставляют в тюрьму: ты оставляешь разумность при входе на телевидение и забираешь его на выходе. Но пока ты внутри, у тебя есть право на самый минимум: стакан коки, грим, бейдж, дающий тебе право посещать ресторан для звезд телеканала, микрофон на прищепке, наушник, а если еще останется место в твоём котелке, можешь сохранить еще несколько нейронов. Но, вообще-то, парни выбирают не это: это слишком много весит и ни на что не годится. В любом случае, решения принимаются не ими!

– Итак, если вы закончили болтать о битвах ведущих, может быть, поработаем немного...

Фабьен явно не понравилось, в каком направлении стал развиваться разговор. Это так развеселило Эрику, что она уже была готова рассказать о своем постельном приключении с Дорвалем.

– Если бы я знала, как девицы студии его называют, я бы на это не пошла... – сказала она, повеселев.

Все головы сразу же повернулись в ее сторону, округленные и загоревшиеся глаза наблюдали за ней, как очки ночного видения блестят в глубокой темноте. Этот внезапный интерес вызвал у Эрики смех.

– И как же его называют? – осторожно осведомилась Жюли, стараясь не нарушить тишину, которая установилась из опасения того, что жизнь снова пойдет своей чередой, а кличка так и останется неизвестной.

– Вонючие Труссы! Это не я придумала. А знаете, почему его так прозвали? – спросила Эрика после непродолжительной паузы.

– Потому что от него дурно пахнет? – отважилась предположить Делья.

– Точно!

Среди девиц послышались восклицания отвращения. Но, несмотря на отсутствие деликатности со стороны их коллеги, все хотели услышать, что она еще скажет.

– Ты хочешь сказать, что он не промывается? – продолжила Делья.

– А чем же иначе можно объяснить то, что его наследство пахнет затхлостью? – логично ответила Эрика.

– Ты права, надо бы преподать ему урок мытья. Ты не пробовала сделать это после занятий любовью? – прыснула Клемантина.

– Только не я. Мне такие парни не нравятся. Хватит того, что я согласилась, чтобы он привязал меня к радиатору...

– Так, выходит, это правда, что он приковывает своих любовниц наручниками к радиатору? – удивилась Лоране.

– Нет, я наручников не удостоилась. У него, видно, не было при себе всего набора. Заметь, я не люблю садомазохизма в порнофильмах... По крайней мере, теперь знаю, что это мне не нравится!

Именно в этот момент всеобщего напряжения Сильвия Тетье ворвалась в редакцию, продолжавшую находиться под влиянием откровений Эрики.

– Итак, *Секс в большом городе*, ты рассказываешь про свою жизнь? – сказала главный редактор своей ночной журналистке.

– Их это совсем не интересует, – с улыбкой соврала Эрика.

– Если ты стараешься объяснить, как именно тебе удалось выставить Миллера дураком, да и нас с ним заодно, то мне кажется, что это превосходит все границы допустимого!

– Мы ему для этого вовсе не нужны, – серьезным тоном ответила Фабьен.

– Первое правило приличных светских журналов: не плюй в руку, которая тебя кормит, – произнесла Сильвия.

Сказав это, она развернулась, не преминув оглядеть всю команду, которая покорно вновь принялась за работу.

* * *

Эрика проверила содержимое своего ящика электронной почты и автоответчик. Если бы она положительно отвечала на все поступавшие к ней приглашения, ей пришлось бы круглосуточно не снимать вечернее платье. Но у нее было право проверять все списки гостей, она была вхожа абсолютно повсюду, могла приводить с собой кого угодно. Хозяева клубов, пресс-атташе, менеджеры просто умоляли ее согласиться пошаркать подошвами ее туфель по полу их танцевальных площадок. Надо было только опубликовать всего несколько строк об их вечере в *«Стар Сити»*, и на следующей неделе туда собирался весь Париж. Эрика была волшебницей, но она умела выбирать свои номера.

В тот вечер выигрышный номер достался «Премиуму», организовавшему, как делал это раз в месяц, раут для избранных. Она, конечно, поворчала, когда «корпоративный» управляющий позвонил, чтобы пригласить ее туда: она не любила соглашаться сразу же. Не стоило показывать, что ей слишком польстило то, что ее включили в узкий круг избранных. Когда она только начинала ходить на званые ужины, она научилась напускать на себя томность избалованных вниманием людей. На самом же деле она обожала вечера с сюрпризами этой самой известной станции вещания Европы. Они вовсе не походили на те загульные ночи, когда на глаза попадались лишь зануды и старые перечницы. В «Премиуме» собирались самые сливки, люди элегантные и вульгарные, но все приглашенные всегда тщательно отбирались исходя из того, кем они являлись в обществе, а не в зависимости от их манеры поведения, их умения одеваться и даже не от их таланта. Организаторам было совершенно наплевать на то, что их гости фальшивят при пении, если их диски продавались миллионными тиражами, что они одеваются мешковато, если эти мешки носили фирменные знаки великих кутюрье, что они играли, как увальни, если они установили рекорды посещения затемненных залов. Даже какой-нибудь нечестный политик или вороватый бизнесмен становился почетным гостем, если его рейтинг популярности был очень высоким. Посему Эрика посчитала вполне логичным, что и она, пусть и пишущая ногами, но очень влиятельная журналистка в области ночной жизни, попала в этот круг... пока ничего не изменилось!

Потому что она не строила иллюзий: когда-нибудь все это кончится. Но тут же решила, что ей на это наплевать. Она подумала о своей соседке. И представила себя в другой жизни: зарядка перед завтраком, шопинг по утрам в субботу, поздний завтрак перед тем, как пойти на вернисаж и на выставку или в музей, почему бы и нет? Она представила себе, как громко хохочет с Лиз, готовит гастрономические блюда в их маленькой кухне, пробует соус с кончика

деревянной ложки, чтобы не обжечь губы. «Если до этого дошло, – внезапно призналась себе Эрика, – значит, я – лесбиянка!» Эта мысль заставила ее вздрогнуть, и она вскрикнула, озадачив своих подруг:

– Оргазм? – осведомилась Фабьен.

– Сразу видно, что ты не знаешь, что это такое! – отрезала Эрика. Схватив сумочку, она выскочила из помещения. Было уже около часа дня, и она умирала с голоду. За утро она ничего так и не сделала, разве что рассказала о своей жизни. Но в любом случае, именно так она и проводила большую часть своих дней...

– Ты готова? – спросила она Пат, появившись у ее стола.

– Но ты прожорлива, как курица! Который сейчас час? – спросила подруга из фотостудии. Она была явно удивлена.

– Не сходи с ума, уже час, а я умру от истощения, если ты немедленно не отведешь меня в ресторан!

* * *

Ресторан находился метрах в ста от здания редакции журнала. Он принадлежал индусу, и в нем стоял сильный запах специй. Украшение ресторана было в разнузданном стиле китча, но официанты были приветливы и скоры на обслуживание. А главное, там хорошо готовили! Закавав цыплят тика и чай с кардамоном, подружки с неописуемым наслаждением стали делиться самым интимным.

– Ну, так как Миллер? Каков у него размерчик? – шепнула Пат, оглянувшись вокруг. Глаза ее блеснули от любопытства.

– Несколько разочаровывающий, но работоспособный... – игриво ответила Эрика.

– О'кей, и какова твоя оценка? Шесть по десятибалльной шкале?

– Даже меньше. Сказав о работоспособности, я приукрасила картину. Все очень грустно.

– А где вы этим занимались? Перед клубом?

– В его квартире! Прекрасная мансарда на Монпарнасе, уютное гнездышко, уверяю тебя!

– И сколько же времени ты там провела?

– Часа два, а то и того меньше!

– И это ты называешь работоспособностью?

– Не знаю. В этом чертовом шоу-бизнесе нет ни одного нормального мужика! Я потеряла понятие времени. Мне надо бы не выставлять им оценки, а просто показывать хронометраж!

– Ну, это тоже не годится, – заявила Пат. – Это может длиться долго и быть разочаровывающим. А бывает, что и пяти минут не проходит, а ты уже взлетаешь на седьмое небо!

– Да? В любом случае единственное, что мне нравится, так это укрощать их во время занятий любовью. У меня складывается такое впечатление, что я смотрю это по телевизору сверху, понимаешь? Вот только комментировать не могу: приходится ждать, пока все это не закончится.

– И все-таки ты после этого смотришь телевизор?

– Только не программы тех, с кем уже переспала: у меня сразу падает настроение. Кстати, ты пропустила нечто интересное: я рассказывала редакции о Вонючих Трусах! Фабьен сделала вид, что не слушает, но уверена, что сегодня же вечером она все доложит Сильвии...

– Представь себе, я встретила недавно одну из его гримерш в VIP-зоне, – прервала ее Патрисия. – Она сказала мне, что ей никак не удастся запудрить ему лицо. Парень очень похож на Майкла Джексона, но он теряет не свой нос, а то, что в нем находится! Он нюхает так много кокаина, что у него из ноздрей постоянно течет... Ужас какой-то! Девица все прячет под гримом в течение десяти минут, режиссер не в состоянии снимать сцены в течение пятнадцати минут. Представляешь, как это нервирует команду?!

– А ему-то каково? Стыдоба!

– Ну да, он даже не отдает себе в этом отчета. Он потребовал у одной из своих ассистенток, чтобы та в уголке зала делала ему полоски, и он набивает кокаином полный нос, а никто ничего не видит! После этого он скачет, как козлик, возбужденный, как олень, и выбирает себе девицу из числа зрителей. И потом занимается с ней любовью в паркинге студии!

– Ты не шутишь? Но раньше он этого не делал! У меня есть приятели на телевидении, они рассказали мне о нем все, когда он только начинал. Но до таких глупостей он тогда не доходил!

– Да как же у этих мужиков может не поехать крыша? Они ведь живут в другом мире. Самое худшее то, что он трахает девицу рядом со своим внедорожником «шевроле»: таким образом, как только девица становится ему больше не нужна, он может открыть дверцу и уехать – бай-бай, дорогая, увидимся на следующей неделе!

– Вот увидишь, настанет день, когда кто-нибудь из них врежет ему монтировкой до того, как он застегнет ширинку, – предсказала Эрика.

– А ты слышала про одну девицу, которую он поимел вечером в день передачи и которая на следующий день снова пришла на съемки?

– Это та, которую он не хотел впускать?

– Нет, та, которая смогла продрасться сквозь ограждение из ассистентов и которая схватила его за гениталии!

– Быть того не может!

– Он обращался к ней на «вы», когда она окликнула его с трибуны студии: сухо попросил ее сесть на место, пригрозив, что в противном случае охране придется вывести ее и посадить в такси! Хитрый подлец! Он был на людях. Говорил с ней сухо, но не зло, а главное, не грубо. Только посмотрел на нее и проигнорировал...

– А как же она смогла выйти на съемочную площадку?

– Не знаю, но ему в тот момент подумалось, что больше своим аппаратом он никогда не сможет воспользоваться!

Официант принес счет, девицы решили пойти выпить кофе в симпатичном кафе, что находилось совсем рядом с редакцией.

На узких улочках громко раздавались звуки высоких тонких каблучков Эрики, решительно топтавшей тротуар. Патрисия обернулась к ней и произнесла:

– Только тебя одну и слышно! Ты не могла бы вложиться в кроссовки, они не били бы по ушам! Ни разу не видела тебя без высоких каблучков, знаешь, существуют еще и туфли на низком ходу, и очень неплохие...

– Знаю. Но пока что мне не хочется терять в росте десять сантиметров. Время для этого еще не пришло.

– Почему? Ты что, уже определила эту дату с нотариусом?

– Ты недалеко от истины. Давай-ка закажем по чашке эспresso, и я расскажу тебе о моих планах!

Этот маленький бар был единственным в округе местом, где имелся отдельный зал для некурящих. Он пропах табаком и жавелевой водой, но внутреннее убранство было довольно симпатичным. Они прошли через основной зал, где сидели клиенты с пивом или с послеобеденным кофе с коньяком. В зале для некурящих был один-единственный свободный столик в углу, и они устремились к нему из опасения, как бы кто-нибудь их не опередил. По телевизору шел какой-то американский сериал, начинавшийся после обеда. Патрисия узнала Викторию Сан Гильермо, снявшуюся в этой серии.

– Видишь лицо этой девицы? Просто мутант какой-то!

– Сегодня вечером я увижу ее на ужине, который организует «Премиум». Там будут самые знаменитости. Кажется, что и Клара Ленсон придет.

– Не знаю, как ты выносишь всех этих людей! Когда мне иногда приходится бывать на вечеринках, всякий раз у меня возникает желание передуть наших приятелей-звезд!

– Скоро я с этим закончу.

– Закончишь? Уйдешь из журналистики?

– Да. Ну, в общем, не знаю, как с профессией. Но ночную жизнь и компанию всех этих ненормальных, у которых пупок больше мозга, я брошу.

– У тебя хроническое недосыпание, у тебя синдром «метро-работа-постель», тебе надоело быть не такой, как все, правильно?

– Что-то в этом роде. Но, главное, не могу же я всю жизнь заниматься ширинками очень важных персон, не так ли?

– Как знать, если тебе это нравится...

– И это все, что ты можешь мне сказать на этот счет?

– Некоторые считают тебя ненасытной...

– Пат! Я смотрю на свою соседку по лестничной клетке с восхищением, я дошла до того, что начала мечтать о жизни с ней, я схожу с ума, уверяю тебя!

– А чем же ты намерена заняться? Вернешься в редакцию «Нис-матэн»?

– Нет, мне бы хотелось вернуться в прошлое, но не до такой же степени. Я собираюсь предложить Сильвии брать интервью: ведь до того, как стать охотницей на звезд, я была все-таки журналисткой!

– Она ни за что не согласится. Девиц, которые умеют писать бумажки, в редакции полным-полно, но только ты одна знаешь закулисную жизнь знаменитостей!

– А зачем все это нужно? Я только что получила нагоняй за то, что заигрывала с Миллером на фото! В «Стар Сити» любят сексуально корректных. Либо я ошиблась дверью, либо создана для другого...

– А не пойти ли тебе работать в «Дели»? Отличная работа, как раз для тебя!

– Ты не поняла: я хочу закончить с этим! Мне уже тридцать шесть лет, хватит с меня! Мне этого удовольствия хватит по самый зад во всех смыслах этого слова. И потом, понимаешь, мне надоела вульгарность, грязные слова...

– О, ну какая же ты стала разборчивая! Возьми отпуск, проведи его со своей соседкой, уверена, что после отпуска ты будешь умолять охранников приемной впустить тебя! Ты создана для этого!

– Создана для чего? Для членов этих мелких болтунов на телевидении, певцов и киноактеров? Я рождена не для того, чтобы обслуживать весь французский шоу-бизнес!

– Ты могла бы выйти на международный уровень... У тебя ведь уже был приятный опыт в Варнере, не так ли?

– Ладно, вижу, что тебе хочется подурочиться, Пат. Я думала, что мы поговорим серьезно, что ты мне очень поможешь...

– Извини. Ты права, сходи к Сильвии. Но не сегодня, поскольку она еще не успела переварить твою шутку с Миллером!

– Я сама решу, каким образом мне вылезти из этой корзины с крабами... Пока же еще немного повеселюсь. Сегодня вечером пойду в «Премиум» и надену самые высокие каблуки!

– Вот как, ты еще не забронзовела, старушка!

– Кстати, пойду-ка я домой, приму ванну и приготовлюсь.

– А если Сильвия будет тебя искать?

– Скажи ей, что мне нездоровится, проблемы с желудком, это сейчас модно!

– Ты думаешь, что она не узнает о том, что ты собираешься повеселиться в «Премиуме»?

– Ну, знаешь, сегодня есть такие эффективные лекарства... За пару часов любого поставят на ноги! И потом, это – моя работа: я профессионалка до ногтей пальцев ног, моя милая!

* * *

Дома она оказалась где-то в половине четвертого дня. Включила радио и стала слушать передачу «Радио собора Парижской Богоматери», свою любимую радиостанцию. Эрика обожала слушать священников, католических журналистов, верующих радиослушателей: в такие моменты она убаюкивалась словами, которые совсем не понимала. Открыв балконную дверь, она переставила несколько книг в библиотеке, посмотрела почту. Все рекламные проспекты выбросила в мусорный ящик, открыла шкаф. В отделении для обуви выбрала черные лакированные туфли на шпильках, именно те, что были нужны, чтобы твердо держаться на ногах. В одном из комодов белого дерева нашла тонкую водолазку с короткими рукавами из шерсти с шелком, затем достала короткую розовую юбку намного выше колен, сильно контрастировавшую со строгим верхом. Длинный шелковый шарфик темного цвета, короткое манто из кролика, большую сумку для того, чтобы уместить там сумочку с косметикой; зубная щетка и черные стринги дополнили несессер. Без этого она никогда не выходила по вечерам. В бельевом ящике отыскала комплект нижнего белья цвета розового жемчуга: бюстгальтер был закрытым, но зато кружевные трусики приводили всех мужчин в трепет. Хотя в этот вечер она вовсе и не планировала под кого-то ложиться. Часы на кухне показывали без четверти пять, а «Радио собора Парижской Богоматери» передавало комментарии недавней речи понтифика при посещении им Берлина. Она решила лечь в ванну со вспененной водой и добавками морской соли, наложила на глаза освежающую маску и почти моментально заснула.

Когда она открыла глаза, вода была уже холодной. Резко выпрыгнув из ванны, она укуталась в пеньюар, оставленный ею на радиаторе. Было шесть часов вечера, а ей показалось, что она проспала целых два дня... Она начала наносить макияж, особенно подчеркивая детали лица: черные глаза, пухлые блестящие губы, ровные брови. Потом натянула водолазку, надела юбку и туфли, засунула в сумку все, что могло бы ей понадобиться, подняла воротник своего полушубка и спустилась вниз, где ее, как и было заказано, в восемь часов ждало такси. В холле, открывая входную дверь, она столкнулась нос к носу со своей соседкой по лестничной клетке.

– Вы идете на бал-маскарад? – с любопытством спросила Лиз, оглядев ее.

Эрика оглядела свой наряд, словно увидев его впервые, и ответила как ни в чем не бывало:

– Ну да, именно так: бал-маскарад.

– И по какому же поводу? – улыбнулась Лиз, явно обрадовавшись тому, что попала в точку.

– Вечеринка звезд! – воскликнула Эрика с наигранной беззаботностью.

– И вы нарядились... Памелой Андерсон?

– Точно! Ну как, похоже?

– Да, но вот только та знаменита своей огромной грудью, а вы свою недостаточно набили!

– Вы правы, я хотела это сделать сразу же по прибытии на место. Иначе на меня все обращали бы внимание...

– Вот как? Счастливо повеселиться!

Эрика почти оттолкнула Лиз, стараясь скрыться, и в такси села, вся помертвев от стыда. К тому же, нет сомнения, Лиз должна была увидеть совсем маленькие трусики, когда она садилась в машину!

И поэтому решила сразу же по прибытии в штаб-квартиру «Премиума» осушить разом пару фужеров шампанского «Дом Периньон». В тот вечер голова у Эрики пошла кругом.

Кристоф Миллер, любимый телеведущий домохозяек

На белом деревянном столике ждал коктейль: белый ром, взбитые бананы и клубничный сок. Совсем рядом, на шезлонге с плотным матрасом из неочищенного хлопка, лежало покрытое веснушками розовое тело. Устремив взгляд в голубое безоблачное небо, Кристоф Миллер широко улыбался своей судьбе. Вот он удобно лежит здесь, на пляже Парадайз Айланд на Багамах, его обслуживают, как принца, и он является одним из королей телевидения. Действительно, Миллер мог поздравить себя с тем, какую большую аудиторию он собрал в этом сезоне. Этим жарким утром, слушая, как издали доносились радостные крики детей от двух его предыдущих браков, он чувствовал полное удовлетворение жизнью.

Слово «удовлетворение» было еще не самым выразительным. Телеведущий совсем недавно подписал выгодный контракт с самым крупным каналом Европы: он будет ежедневно вести игру и передачу в прайм-тайм. От одних только этих слов «прайм-тайм» (лучшее время) у него появлялись волнующие вибрации в области промежности. У него было все: популярность, деньги, власть. Зато на личном фронте дела были не столь блестящими. Последняя его подружка – манекенщица, показывающая купальники, – полгода тому назад ушла от него. Но что значил секс по сравнению с выбросами адреналина во время прямого эфира? Изгибы – пусть даже идеальные – женского тела не могли соперничать с изгибами зрительской трибуны. Короче говоря, даже когда Эмма захлопнула дверь перед ним со словами: «Ступай играть со своими цифрами рейтинга популярности, придурок несчастный!», это не смогло испортить ему настроения. Хотя, когда она забрала свои вещи накануне Рождества, он все-таки несколько растерялся.

Эта мысль вызвала у него улыбку: растерянность на Новый год – это логично, не так ли? Эта мысль вызвала у него даже легкий смешок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.